

ВИКТОРИЯ
БЕСТСЕЛЛЕР

ШВАБ
NEW YORK TIMES

Наш темный дуэт

Монстры Истины

Виктория Шваб

Наш темный дуэт

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шваб В.

Наш темный дуэт / В. Шваб — «Эксмо», 2017 — (Монстры Истины)

ISBN 978-5-04-096311-9

Кейт Галлахер не боится темноты. Она охотится на монстров. Август Флинн – чудовище. Он не может стать человеком. И обречен играть свою партию, чего бы это ему ни стоило. Темные силы выходят из тени. Война монстров с людьми приближается к кульминации.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-096311-9

© Шваб В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Строфа первая	6
Процветание	7
Истина	20
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктория Шваб

Наш темный дуэт

Victoria Schwab
OUR DARK DUET

Copyright © 2017 by Victoria Schwab

© Степашкина О., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается тем, кто заблудился внутри собственной души.

*Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться,
чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь
в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.*

Фридрих Ницше

Ад пуст.

Все бесы здесь.

Уильям Шекспир «Буря»

Посреди Пустоши стоит заброшенный дом.

Дом, в котором выросла одна девочка и сгорел заживо один мальчик, где разбили вдребезги скрипку, где застрелили незнакомца...

И где родился новый монстр.

Она очнулась в этом доме и встала. У ног ее лежал мертвец. Она переступила через труп, и, когда солнце село, вышла во двор, привлеченная свежим воздухом.

И пошла.

Посреди Пустоши находится позабытый склад.

Склад, в котором до сих пор пахнет кровью, голодом и жаром, где девочка спаслась, а мальчик пал, и монстры были повержены...

Все, кроме одного.

Он лежал на полу со стальным прутом в спине. Прут царапал сердце при каждом биении, и черная кровь растекалась вокруг темного костюма, словно тень.

Монстр умирал.

Но не умер.

Она нашла его, и вытащила оружие у него из спины, и смотрела, как он харкает черной кровью на пол, и как встает, чтобы познакомиться с ней.

Он знал, что его создатель мертв.

А она знала, что ее – нет.

Пока что.

Строфа первая
Охотник на монстров

Процветание

I

Кейт Харкер с ходу включилась в работу.

Кровь капала из неглубокого пореза на икре, легкие саднило от пропущенного удара в грудь. Слава богу за доспехи, пусть даже и самодельные.

– Поворот направо.

Когда она свернула направо, в боковую улочку, ее ботинки проехали по скользкой мостовой. Увидев, что здесь, невзирая на надвигающуюся грозу, полно народу, ресторанных навесов и столиков, Кейт выругалась.

В ухе раздался голос Тео:

– Он нагоняет.

Кейт вернулась обратно и помчалась вниз по главной дороге.

– Если не хотите получить кучу пострадавших, найдите мне другой путь!

– Половина квартала, потом срезай направо, – сказала Су.

Кейт чувствовала себя аватаркой в многопользовательской игре: девочка в большом городе убегает от монстров. Только город был настоящим – столицей Процветания, да и мостры – тоже. Точнее, монстр. Одного она обезвредила, а вот второй гнался за ней.

Она бежала, и тени сгущались вокруг нее. Холод просачивался сквозь сырую ночь, крупные капли дождя падали за воротник и сползали по спине.

– Вперед и налево, – распорядилась Су, и Кейт промчалась мимо ряда магазинов и вдоль переулка, оставляя за собой след из страха и крови, словно из хлебных крошек.

Она подбежала к узкой парковке и стене, только это была не стена, а дверь склада, и на долю секунды Кейт снова очутилась в том темном помещении, прикованная к железной стойке, а где-то за дверью металл врезался в кость, и кто-то...

– Налево.

Поступившее от Су указание помогло Кейт отмахнуться от воспоминаний. Но дверь оказалась приоткрыта, и потому Кейт не послушалась: тряхнула мокрой головой и бросилась вперед – куда-то в пустоту.

В складе не было окон. Свет проникал сюда лишь с улицы – и то на несколько футов. Остальное пространство тонуло в темноте. Биение сердца глухо отдавалось во всем теле. Кейт сломала хваленый люминофор – это была идея Лиамы – и отшвырнула его, затопив склад ровным белым светом.

– Кейт, – впервые подал голос Райли. – Будь осторожна.

Кейт фыркнула. Можно не сомневаться, что Райли станет давать бесполезные советы. Девушка внимательно осмотрела склад – штабеля грязных деревянных ящиков, почти достающие до стальных стропил, – и полезла наверх. Когда она взобралась на самый последний ящик, дверь скрипнула.

Кейт застыла.

Чьи-то пальцы – не плоть и кость, а нечто другое – сомкнулись на створке и приоткрыли ее. Кейт затаила дыхание.

В здоровом ухе Кейт раздался треск помех.

– Статус? – нервно спросил Лиам.

– Занята! – прошипела Кейт, балансируя на балках.

Дверной проем перекрыл монстр. Кейт покрылась холодным потом, и на мгновение ей представились красные глаза Слоана. Его сверкающие клыки, его темный костюм.

«Выходи, малышка Катерина, – говорил он. – Давай поиграем».

Нет, это просто ее собственный мозг подшучивал над ней. Тот, кто вошел в склад, не малхаи, а нечто совсем иное.

Да, у него красные глаза малхаи и острые когти корсаи, но кожа у него – синевато-черная, как у гниющего трупа, и гналось оно не за плотью и не за кровью.

Оно питалось чувствами.

Кейт почему-то никогда не сомневалась в том, что здесь тоже будут монстры. В Истине была своя троица, но тут она столкнулась лишь с одной-единственной разновидностью. Пока.

Но опять же, Истина отличалась самым высоким уровнем преступности среди десяти территорий (как была уверена Кейт, по большей части благодаря ее отцу) – в то время как пороки Процветания оказалось труднее идентифицировать. Согласно источникам, Процветание являлось богатейшей из территорий, но сильная экономика сгнивала изнутри.

Если в Истине грехи можно было сравнить с бритвенно-острыми лезвиями, то в Процветании им бы уподобился яд. Медленный, действующий исподтишка, но смертоносный. А когда насилие стало сливаться в нечто осязаемое и поистине чудовищное, это случилось не в мгновение ока, как в Истине, а по капле – и потому многие в городе до сих пор делали вид, что монстров не существует.

Но это существо заставило бы их изменить свое мнение.

Монстр втянул ноздрями воздух, пытаясь учуять Кейт, – пугающее напоминание о том, кто был хищником, а кто уже сделался добычей. Голова твари качнулась из стороны в сторону. По спине Кейт пробежали колкие коготки страха. А потом монстр посмотрел вверх. На нее.

Кейт не стала ждать.

Она метнулась вниз, придерживаясь за стальную балку, чтобы смягчить падение, и приземлилась на корточки – как раз между монстром и выходом наружу. Отлично заточенные металлические пруты, каждый длиной с предплечье, сверкнули в ее руках.

– Не меня ищешь?

Монстр повернулся и скорчил мрачную гримасу, продемонстрировав Кейт две дюжины иссиня-черных зубов.

– Кейт! – не унимался Тео. – Ты видишь его?

– Да, – сухо отозвалась она.

Су с Лиамом заговорили одновременно, но Кейт постучала пальцем по уху, и голоса вырубались. Секунду спустя их сменил тяжелый ритм басов. Сознание Кейт заполнила музыка – она смыла страх и сомнения, пульс и прочие бесполезные вещи.

Монстр скрючил длинные пальцы, и Кейт напряглась: первая такая тварь попыталась продырявить ей грудь (теперь это подтверждали синяки). Но атаки не последовало.

– В чем дело? – поддела монстра Кейт, не слыша собственного голоса за грохотом музыки. – Я недостаточно хороша для тебя?

Ей подумалось: а вдруг преступления, запечатленные в ее душе, каким-то образом сделали ее менее аппетитной?

Судя по всему, нет.

Монстр прыгнул.

Кейт всегда изумлялась при виде того, насколько эти твари стремительны.

Какими бы здоровенными они ни были.

Какими бы уродливыми.

Кейт предусмотрительно отскочила.

За пять лет Кейт успела сменить шесть частных школ, где преподавали и самооборону. Боевые навыки, ей, конечно,годились, однако именно последние полгода охоты на тварей, шастающих здесь, в Процветании, стали для девушки настоящей школой.

Она плясала между ударами, пытаясь ускользнуть от монстра и застать его врасплох.

Когти загребли воздух над головой Кейт: девушка пригнулась и хлестнула прутом по вытянутой руке.

Тварь зарычала и кинулась на Кейт: когти вонзились в рукав одежды и врезались в скрытую под тканью медную сетку. Кейт отпрянула. Доспех принял удар на себя, но Кейт зашипела: где-то на руке кожа разодралась, и хлынула кровь.

Кейт выругалась и пнула тварь в грудную клетку.

Монстр оказался вдвое крупнее: он состоял из голода, насилия и еще черт знает чего, но ботинки Кейт были подбиты железом. Тварь, пошатываясь, отступила, ухватившись за то место, где чистый металл выжег пятно мраморной кожи, и открыла тонкую мембрану, прикрывающую ее сердце.

В яблочко!

Кейт метнулась вперед, целясь в наверняка жгущую отметину. Прут пробил хрящ и мышцу и погрузился в сердцевину.

Забавно – даже у монстров хрупкие сердца.

Инерция рванула Кейт вперед, а монстр рухнул на пол, но в самый последний миг они столкнулись, и тело твари рассыпалось у Кейт на глазах.

Теперь от монстра не осталось ничего, кроме трухи и черной запекшейся крови. Кейт встала, пошатываясь, и задержала дыхание, чтобы в легкие не попало ядовитое облако.

Она сделала вдох, добравшись до порога. Привалилась к двери, зажимая рукой свежую рану.

Звучавшая в наушнике песня закончилась, и Кейт переключилась на связь.

– Сколько это будет тянуться?

– Надо что-то делать!

– Заткнитесь, – сказала Кейт. – Я жива.

Череда ругательств.

Наверное, ребята почувствовали облегчение.

– Статус? – спросила Су.

Кейт достала из кармана мобильник, щелкнула кровавое пятно на полу и нажала «Отправить».

– Господи! – ахнула Су.

– Зашибись! – заорал Лиам.

– Выглядит как фейк, – заявил Тео.

Райли, судя по голосу, заташнило.

– А они всегда... рассыпаются?

Говорильня в ее наушнике была обычным напоминанием: ребята, в общем-то, ничего не соображали. Реальная драка могла их испугать. У них имелись свои цели, но они были не такие, как Кейт.

Они – не охотники.

– Кейт, как ты? – спросил Райли. – В порядке?

Кровь промочила штанину и капала с пальцев, и, если честно, у нее кружилась голова, но Райли был человеком – и Кейт не обязана была говорить ему правду.

– В полном, – ответила она и сбросила звонок, прежде чем кто-нибудь из них расслышал, как у нее перехватило дыхание.

Люминофор мигнул и погас, и Кейт очутилась в темноте.

Но она не возражала.

Теперь здесь никого не было.

II

Кейт взобралась по лестнице, оставляя на ступенях грязные лужицы.

Дождь превратился в ливень, когда она прошла только половину пути до дома, но Кейт наслаждалась непогодой, невзирая на холод. Пусть вода смывает черную кровь твари.

Но, увы, даже сейчас она все равно выглядела так, словно вступила в бой с чернильницей – и проиграла.

Девушка добралась до площадки третьего этажа и открыла дверь.

– Дорогой, я дома!

Ответа, конечно, не последовало. Она ввалилась в квартиру Райли, за которую платили его родители, – пока он отсутствовал, «жил во грехе» со своим бойфрендом, Малкольмом. Кейт вспомнила, как впервые увидела это место – стены из неоштукатуренного кирпича, гравюры, дизайнерская мягкая мебель – и подумала, что родители Райли явно закупились не по тому же каталогу, что и Келлум Харкер.

Она никогда прежде не жила одна.

Школьные спальни всегда были двухместными, а в Харкер-Холле главенствовал отец. Ну, теоретически. И его тень, Слоан. Раньше Кейт считала, что любит уединение, любит свободу, но оказалось, что пребывание в одиночестве теряет часть своего очарования, когда у тебя нет выбора.

Кейт придушила приступ жалости к себе, пока та не успела развернуться во всю мощь, и направилась в ванную, на ходу стягивая с себя доспехи.

Вообще-то «доспехи» было слишком громким словечком для медной сетки, натянутой поверх костюма для пейнтбола, но увлечение Лиамом моделированием одежды и военными играми в совокупности давало неплохой результат... на девяносто процентов. А остальные десять приходились на острые когти и невезение.

Кейт заметила собственное отражение в зеркале – влажные светлые волосы зачесаны назад, бледные щеки усеяны черными точками засохшей крови – и встретила с девушкой взглядом.

– Где ты? – пробормотала она.

Интересно, как провели вечер другие Кейт в других жизнях?

Кейт нравилась идея о том, что каждый сделанный и несделанный выбор порождает другого тебя. Наверняка где-то существуют Кейт, которые никогда не возвращались в Истину, и Кейт, которые так и не осмелились уйти.

И Кейт, которая по-прежнему могла слышать обеими ушами. Та Кейт жила с родителями. С отцом и мамой.

Той Кейт не доводилось бежать, не доводилось убивать, не доводилось терять все.

Где ты?

Когда-то при этом вопросе ей сразу же представлялся дом за Пустошью. Высокая трава и распахнутое настезь небо. Теперь Кейт видела рощу за Колтоном и яблоко в своей руке. Над головой щебетали птицы, а к дереву прислонился парень, который не был парнем.

Кейт залезла в душ. Скривившись, отодрала остатки ткани.

Зеркало затянуло паром, и Кейт чуть не застонала, когда горячая водяная струя ударила по ссадинам. Девушка прислонилась к кафелю и подумала о другом городе, другом доме и душе.

Монстр, рухнувший в ванной.

Парень, горящий изнутри.

Ее рука на его талии.

«Я не дам тебе упасть».

Пока обжигающая вода из серой делалась ржаво-рыжей и наконец чистой, Кейт осматривала свое тело. Она – настоящий калейдоскоп шрамов! Вот капелька в уголке глаза и блеклая линия, тянущаяся от виска до подбородка, – отметина автокатастрофы, в которой погибла ее мать. А вот дуга на плече, оставленная клыками малхаи, и серебристый рубец на ребрах – след от когтей корсаи.

А еще имелись невидимые отметины.

К примеру, та, которая впечаталась в ее нутро, когда Кейт вскинула отцовский пистолет, нажала на спусковой крючок и убила незнакомца, запятнав свою душу красным.

Кейт выключила воду.

Бинтуя свежие раны, Кейт размышляла: а существует ли где-то ее версия, предающаяся развлечениям? Кейт, беспечно колотящая ногами по спинке кресла, когда в кинотеатре киношные монстры выползают из темноты и люди в зале вопят, потому что это прикольно – бояться, зная, что ты в безопасности?

Вроде как такое не должно было помогать, но Кейт становилось легче, когда она представляла себе иные жизни. Есть ведь во вселенной те Кейт, которые были счастливы, пускай даже путь самой Кейт привел ее сюда.

Но именно здесь ей и полагалось находиться, решила Кейт.

Она потратила пять лет, пытаясь стать идеальной дочерью для своего отца. Кейт старалась быть сильной, жесткой, жестокой, а в результате выяснила, что он никогда в ней не нуждался.

Но он мертв, а она – нет, и ей надо найти, чем заняться и кем быть, придумать, как применить полученные навыки.

Но этого недостаточно. Сколько бы монстров она ни прикончила, она уже не исправит содеянное, не сотрет красный цвет со своей души.

Жизнь движется лишь в одном направлении.

Но в Процветании Кейт нашла цель и дело, и теперь, встречаясь взглядом со своим отражением, она не видела печальную, одинокую, потерянную девушку.

Она видела Кейт, которая не боится темноты.

И которая охотится на монстров.

И это у нее чертовски хорошо получалось.

III

Кейт терзал голод, но она слишком устала, чтобы рыться в холодильнике.

Она включила радио и рухнула на диван, наслаждаясь простыми радостями – чистыми волосами и мягкой толстовкой.

Кейт никогда не была особо сентиментальна, но, если все твое имущество помещается в спортивную сумку, начинаешь ценить то, что имеешь. Кофта была из Лейтона, третьей из шести ее школ-интернатов. Само учебное заведение никогда не внушало Кейт доверия, однако поношенная и теплая толстовка стала для нее кусочком прошлой жизни. Правда, Кейт не позволяла себе цепляться за такие кусочки – лишь держалась достаточно крепко, чтобы они не ускользнули. Кроме того, цветами Лейтона были травянисто-зеленый и холодный серый – куда лучше, чем жуть имени святой Агнессы – красный с фиолетовым и коричневым.

Кейт включила планшет и вошла в приватный чат, который Су выкроила в бесконечном мире облачного хранилища Процветания.

На экране загорелась надпись: «Добро пожаловать к Хранителям».

Так они – Лиам, Су и Тео – назвали себя задолго до появления Кейт. Впрочем, Райли к ним не относился, пока Кейт его не втянула в передрыгу.

ЛиамЗаМной: ха-ха-ха-ха-ха-ха волки.

ТеоМногоДел: Это прикрытие – все знают, что произошло в истине.

Суука: Не вижу зла – не слышу зла – говорю себе, что зла не существует.

ЛиамЗаМной: Ну не знаю, у меня когда-то кот был – жуткая задница.

Несколько секунд Кейт просто тарашилась на экран и в сотый раз спрашивала себя, что она тут делает. Зачем она общается с ними? Зачем подпустила их к себе? Она ненавидела ту часть себя, что жаждала контакта и даже предвкушала его.

РайЛи: Ребята, а вы заметили заголовок насчет того взрыва на Доске?

Кейт не собиралась искать друзей – она никогда толком не умела играть с ровесниками и никогда не задерживалась в школе достаточно долго, чтобы с кем-то действительно сдружиться.

РайЛи: Парень пришел к себе домой и выдернул газовую трубу из стены.

Конечно, Кейт осознавала ценность друзей, понимала, как с социальной точки зрения полезно быть частью группы, но никогда не ощущала эмоциональной потребности в подобной социализации. Друзья хотят, чтобы ты был честен. Им надо, чтобы ты делился с ними... хоть чем-то. Они требуют, чтобы ты слушал, и беспокоился, и заботился, и делал еще кучу других вещей, на которых у Кейт не было времени.

Ну а Кейт – она нуждалась в простой зацепке.

РайЛи: Его сосед по квартире был дома, когда это случилось.

Кейт прибыла в Процветание полгода назад с одной-единственной спортивной сумкой, пятью сотнями наличными и скверным ощущением, которое с каждой крупинкой новостей становилось все хуже. «Нападения собак». «Уличная преступность». «Подозрительная активность». «Жестокие действия». «Подозреваемые в розыске». «Целостность места преступления нарушена». «Оружие исчезло».

ЛиамЗаМной: Жуть.

Суука: Успокойся, Райли.

Десяток историй, в которых присутствовали красноречивые отметины, – из тех, которые оставляют зубы и когти. А еще были шепотки в облаке, отсылающие к одному и тому же месту, к названию, от которого мурашки шли по коже: Истина.

Но Кейт не знала, с чего начинать. Хоть вешай на спину табличку: «Съешь меня» – и иди бродить по ночным улицам. В Истине всегда можно без труда найти монстров, а вот здесь на каждое подлинное свидетельство находилась сотня объединившихся троллей и сторонников теории заговора. Прямо иголка в стоге сена, а рядом – толпа вопящих идиотов: «Меня что-то укололо!!!»

Но потом Кейт, пробравшись сквозь белый шум, заметила их. Схожие голоса звучали снова и снова. Кто-то пытался добиться того, чтобы их услышали. Они называли себя Стра-

жами. Они были не охотниками, а хакерами – активистами, как выражался Лиам, – убежденными, что власти либо некомпетентны, либо намеренно скрывают «реальную» информацию.

Стражи прочесывали сайты и перекапывали видеозаписи, отмечая все, что казалось им подозрительным, а затем сливали данные прессе и подцепляли их к обсуждениям, надеясь, что их услышат.

Кейт их слышала.

Она воспользовалась их наводкой и развила ее, и, когда это дало результат, она отправилась к тому же источнику за новой порцией. И тогда-то она и узнала, что Стражи – лишь пара студентов и никогда не спящий четырнадцатилетний подросток.

ТеоМногоДел: Да, печально. Но при чем тут Пожиратели Сердец?

Суука: С каких пор мы называем их Пожирателями Сердец?

ЛиамЗаМной: С тех пор, как они начали пожирать сердца, прикинь?

Кейт по-прежнему не желала ни с кем сближаться, но ее усилия ни к чему не привели. Она постепенно узнавала их. Су, обожающую темный шоколад и мечтающую заниматься научной деятельностью. Тео, органически не способного сидеть спокойно – у него даже письменный стол был совмещен с беговой дорожкой. Лиам – он жил с бабушкой и дедушкой, которые изводили его заботой для его же блага. И Райли – родственники убили бы его, если бы увидели, как он проводит ночи.

А что они знали о ней?

Ничего, кроме имени, да и то было правдой лишь наполовину. Для Стражей она была Кейт Галлахер, беглянкой с навыками охоты на монстров. Она сохранила имя Кейт, хоть и вздрагивала всякий раз, как слышала его, в уверенности что прошлое настигло ее. Но это было все, что у нее осталось. Ее мать была мертва. Ее отец был мертв. Слоан был мертв. Единственным, кто знал ее настоящее имя, теперь был Август, но тот находился в сотнях миль отсюда, в Истине, в центре города, охваченного огнем.

Суука: В этом куда больше смысла, чем в корсаи, малхаи, сунаи. Кто их так назвал?

ТеоМногоДел: Без понятия.

Суука: Твое отсутствие профессионального любопытства меня бесит.

Стражи несколько месяцев уговаривали Кейт встретиться вживую, и, когда этот час настал, она чуть не сбежала в последний момент. Она смотрела на них с противоположной стороны улицы. Все они выглядели такими... нормальными! Не то чтобы они сливались с толпой: у Тео были короткие синие волосы, у Су – руки в татуировках по плечи, а Лиам в своих огромных оранжевых очках выглядел лет на двенадцать – но они не походили на порождения Истины. Они не были ни солдатами Флинна, ни изнеженными детишками из Колтона. Они были просто... нормальными. У них была жизнь за пределами всего этого. Им было что терять.

ЛиамЯ: Почему было просто не назвать их в соответствии с тем, что они делают? Пожиратели тел, пожиратели крови, пожиратели душ. И готово.

Кейт представила себе Августа в подземке, как темные ресницы затрепетали, когда он взял скрипку, как смычок коснулся струн, и хлынула музыка, превращаясь в лучи слепящего

света. Назвать его пожирателем душ было все равно что назвать солнце ярким. В принципе, верно, но это лишь частица истины.

Суука: Кейт не слышать?

Кейт переключила статус с «невидимки» на «присутствие».

«ОхотниК присоединился к чату».

Суука: Привет!

ТеоМногоДел: Охотник.

РайЛи: Я уже начал беспокоиться.

ЛиамЗаМной: А я нет!

Суука: Кто бы сомневался, мистер Я-знаю-карате.

Пальцы Кейт заплясали по экрану.

ОхотниК: Не стоит. Все путем.

РайЛи: Тебе действительно не стоило отключаться, не завершив толком сеанс связи.

ТеоМногоДел: О-о-о, Райли включил папочку.

Папочка.

Кейт подумала о своем отце, о заляпанных кровью манжетах его костюма, о толпе монстров у его ног, о его лице – каким оно было самодовольным за миг до того, как она всадила пулю ему в ногу.

Но она понимала, что имеет в виду Тео: Райли отличался от прочих Стражей. Его вообще бы тут не было, если бы не она. Он был студентом, изучал право в университете и стажировался в местном отделении полиции – именно это было важно для Стражей, поскольку означало доступ к полицейским камерам наблюдения и сводкам. Не то чтобы Тео не мог их хакнуть, как он регулярно напоминал – незачем ломиться в открытую дверь.

(Согласно Райли, полиция «осознавала факт нападений и продолжала мониторить развитие событий». С точки зрения Кейт, это был лишь витиеватый способ описать уход в неосознанку.)

РайЛи: (корчит «папочкино лицо») (грозит пальцем).

РайЛи: Но серьезно. Не смей заляпывать кровью мой диван.

ОхотниК: Не беспокойся.

ОхотниК: Большая часть крови осталась на лестнице.

ЛиамЗаМной: Упс.

Охотник: Новые зацепки есть?

ТеоМногоДел: Пока нет. На улицах тихо.

Что за странная идея.

Если она сумеет продержаться, сумеет и дальше уничтожать Пожирателей сердец, когда они лишь возникают, вместо того чтобы разгребать результаты крушения, сумеет идти на два шага впереди, а не позади, хуже не станет. Возможно, она сможет не дать этому превратиться в Феномен. «Возможно» – что за бесполезное слово! «Возможно» – это лишь способ сказать: «Я не знаю».

А Кейт терпеть не могла чего-то не знать.

Она закрыла браузер. Ее пальцы нерешительно зависли над темным экраном, после чего открыла новое окошко и принялась искать информацию об Истине.

Впервые Кейт научилась подключаться к иностранным сетям в своей второй школе-интернате, находившейся на восточной окраине Истины, в часе езды от границы Умеренности.

Предполагалось, что все десять территорий свободно обмениваются данными, но если ты хотел знать, что на самом деле происходит в другой территории, тебе требовалось пробраться за цифровой занавес.

В том-то и заключалась суть. Но, как Кейт ни старалась, она не могла отыскать пути домой.

Снова был введен карантин, границы, столь медленно открывавшиеся в течение последних десяти лет, захлопнулись снова. Не было занавеса, чтобы за него проскользнуть. Из Истины просто ничего не исходило.

Связь исчезла.

Этому могло быть лишь одно объяснение: технобашни рухнули.

Теперь, когда границы закрылись и компьютерная сеть отрубилась, Истина официально оказалась отрезана.

А жителей Процветания ничего не волновало. Даже Стражей – Тео использовал слово «неизбежно». Су полагала, что границы вообще не следовало открывать. Истину надо было предоставить своей судьбе, она сама бы себя поглотила, как огонь в стеклянной банке. Даже Райли, похоже, колебался. Одному лишь Лиаму было хоть сколько-то не все равно, что диктовалось скорее жалостью, чем устойчивым интересом. Они, конечно, не знали, что Истина означала для Кейт.

Черт, да Кейт и сама толком ничего не понимала!

Но не могла перестать искать.

Каждый вечер она заходила в сеть – просто на всякий случай – и кликала по каждому заголовку в облаке, надеясь наткнуться на какие-нибудь новости из Истины.

Вдруг всплывет имя Августа Флинна.

Как странно! Она видела Августа в худшие его моменты. Видела, как он проходит через голод к изнеможению, оттуда к безумию и во тьму. Видела, как он горит. Как он убивает.

Но когда она думала о нем, то видела не сунаи, созданного из дыма, и не монстра, сидящего в ванне с ледяной водой и пылающего изнутри. Нет, она видела парня с печальными глазами, сидящего на скамейке у школьной спортплощадки, с футляром для скрипки у ног.

Кейт отодвинула планшет и откинулась на спинку дивана. Она прикрыла глаза ладонью и позволила размеренному ритму радио поглотить ее и, в конце концов, начала дремать.

Но в промежутке между песнями на лестничной площадке послышались шаги. Кейт застыла, повернувшись здоровым ухом к двери. Шаги замедлились. Замерли.

Кейт ждала, что сейчас постучат, но стука не последовало.

Кто-то взялся за ручку двери, раздалось дребезжание замка – его встряхнули, но он устоял. Рука Кейт скользнула в щель между диванными подушками и вернулась с пистолетом. Тем самым, из которого она убила незнакомца в доме ее матери. Тем самым, из которого она выстрелила в отца – в его кабинете.

До Кейт доносился приглушенный голос, сопровождаемый скрежетом металла.

Когда дверь распахнулась, Кейт прицелилась.

На мгновение фигура была лишь тенью – свет лестничных ламп обрисовал силуэт коротко стриженного человека чуть выше самой Кейт. Ни красных глаз, ни поблескивающих кlyков, ни строгого костюма.

Просто Райли, пытающийся управиться одновременно с коробкой с пиццей, шестью банками газировки и ключами.

Он увидел черное дуло и, бросив пиццу, банки и ключи на пол, поднял руки вверх. Одна жестянка открылась от удара. Газировка с шипением вылилась на площадку.

– Блин, Кейт! – выдавил Райли.

Кейт вздохнула и положила оружие на стол.

– Тебе следовало бы постучаться.

– Это мое жилье! – сказал Райли, дрожащими руками поднимая пиццу и уцелевшие банки. – Ты во всех пушкой тычешь или только в меня?

– Во всех, – сказала Кейт, – но тебя я оставила в живых.

– Я польщен.

– Что ты здесь делаешь?

– Решил проверить самовольную поселенку – не громит ли она квартиру, – проговорил он.

– И хотел посмотреть, не заляпала ли я диван кровью.

– И лестницу, – его взгляд метнулся от Кейт к пистолету на столе и обратно. – Разрешите войти?

Кейт закинула руки на спинку дивана.

– Пароль?

– Я принес пиццу.

Ноздри Кейт учуяли божественный запах. У Кейт заурчало в животе.

– Так точно, – сказала она. – Войдите.

IV

Ритуал – странная штука.

Люди подозревают, что это – сложная формула, или магическое заклинание, или же импульсивное желание, загнанное в подсознание и повторяемое в течение многих лет.

В действительности ритуал – лишь пафосное наименование привычки. То, что легче сделать, чем не сделать. А привычки примитивны, особенно плохие, например впускать людей в дом.

Кейт свернулась калачиком на одной стороне дивана, Райли на другой, а на экране телевизора ведущий какого-то ночного ток-шоу изрекал несмешные шутки.

Райли держал в руке банку с газировкой.

– Сейчас будет жутко забавно, – сказал он, дернув за кольцо. Он сжался в ожидании и облегченно выдохнул, когда банка не плюнулась пеной.

Кейт цапнула второй кусок пиццы, пытаясь скрыть боль от того, что бинт дернул кожу под рукавом.

– Ты не обязан меня кормить, – произнесла она с набитым ртом.

Райли пожал плечами.

– Знаю.

Кейт изучающе посмотрела на него поверх корочки пиццы. Райли – поджарый, у него теплые карие глаза, вечная улыбка на лице и комплекс спасителя. Когда он не сидел в университете или в полицейском участке, то волонтерил, занимаясь подростками из группы риска.

Уж не очередным ли трудным подростком Кейт стала для него? Его последним по времени проектом?

Кейт пробыла в Процветании три недели – и вот тогда-то их пути и пересеклись. Она ночевала в заброшенных зданиях, а днем потягивала кофе, сидя в самом дальнем углу какого-нибудь кафе.

Она без устали прочесывала облако в поисках зацепок.

Это было вопросом времени – когда ее вышибут на улицу. Она несколько часов ничего не покупала. Однако Кейт не обрадовалась, когда за ее столик, где она делала вид, будто учится, подсел какой-то тип.

Он спросил, не нужна ли ей помощь.

Накануне у Кейт случилась первая – не слишком удачная – стычка с местным монстром. Учитывая, что опыт ее был невелик, не считая школьных занятий по самообороне (она всего-навсего казнила связанного малхаи в отцовском подвале и едва не допустила, чтобы корсаи в подземке выпустили ей кишки), ей в принципе не стоило удивляться.

Она отделалась рассеченной губой и разбитым носом – зато она выглядела брутально.

Она сказала этому типу, что не интересуется проповедями о Боге, или что там он впаривает. Тип не ушел. Через пару минут перед ней появилась новая чашка с кофе.

– Как это случилось? – спросил он, указав на ее лицо.

– Охотилась на монстров, – призналась Кейт.

Она надеялась, что, услышав правду, он отвалит.

– Ясно, – произнес он с неприкрытым скептицизмом и встал. – Пойдем.

Кейт не шелохнулась.

– Куда?

– У меня есть душ с горячей водой и свободная кровать. В холодильнике всегда найдется еда.

– Ты вообще кто?

Он протянул руку.

– Райли Винтерс.

Кейт посмотрела на раскрытую ладонь. Она не была поклонницей благотворительности, но она устала, проголодалась и паршиво себя чувствовала. Кроме того, она не сомневалась, что управится с парнем, если у того появятся нежелательные поползновения.

– Кейт, – представилась она. – Кейт... Галлахер.

Райли никаких поползновений не проявил (см: Малкольм). Райли выдал ей полотенце и подушку, а через неделю и ключ. Кейт пока не очень понимала, почему так получилось. Может, она выглядела не брутально, а жалко. А может, Райли умел быть убедительным.

Кейт зевнула и бросила одноразовую тарелку на стол рядом с пистолетом.

Райли взял пульт и выключил телевизор.

Кейт в ответ включила радио.

Райли покачал головой.

– И чем тебе помешала тишина?

Он, естественно, не знал про автокатастрофу, в которой погибла ее мать, а сама Кейт оглохла на левое ухо. Не догадывался, что, если у человека отобрать звуки, он ищет способы вернуть их.

– Если ты не переносишь тишину, мы могли бы поговорить, – предложил Райли.

Кейт вздохнула. Опять он за свое!

Напичкать ее едой и газировкой с сахаром, пока она не закайфует от пустых калорий, а затем неизменно начинать нудить. А хуже всего было то, что какая-то ее мазохистичная часть, наверное, хотела услышать совета Райли – и даже наслаждалась тем фактом, что кому-то есть до нее дело, настолько, чтобы расспрашивать ее, иначе почему она продолжала его впускать? Ну и оказывалась в результате тут, на диване, в компании с пустыми банками из-под газировки и коробкой из-под пиццы.

Дурная привычка.

Ритуал.

– Ладно, – буркнула она, и Райли просиял. Но если он решил, что она собирается говорить о себе, то он ошибся. – Почему ты упомянул про взрыв?

Райли замешкался.

– Что?

– В чате ты упомянул про взрыв. Устроенный человеком. Почему?

– Ты видела? – Райли устроился поудобнее. – Ну... Стражи подрядили меня высматривать вещи, выбивающиеся из общей картины, и тот случай привлек мое внимание. Уже пятое убийство-самоубийство на этой неделе. Реально много, даже для Процветания.

Кейт нахмурилась.

– Ты думаешь, появилась новая разновидность монстров?

Райли пожал плечами.

– Полгода назад я не верил в монстров. Теперь они мерещатся мне повсюду, – он покачал головой. – Возможно, беспокоиться еще рано. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Как твои дела?

– Посмотри на часы, – сухо отозвалась Кейт. – Малкольм будет ревновать.

– Спасибо за заботу, – усмехнулся Райли, – но уверяю тебя, наши отношения достаточно прочны, чтобы мы могли позволить себе проводить время с друзьями.

С друзьями.

Слово прямо наподдало ей по ребрам достаточно сильно, и у нее перехватило дыхание.

Но Кейт знала секрет: существуют два вида монстров – те, что охотятся на улицах, и те, что живут у тебя в голове. Она могла драться с первыми, но вторые – куда опаснее. Они всегда оказывались на шаг впереди.

У них нет ни зубов, ни когтей, они не питаются ни плотью, ни кровью, ни сердцами.

Но они всегда напоминали, что бывает, если ты подпускаешь людей слишком близко.

У нее на глазах Август Флинн перестал сражаться – из-за нее. Он сорвался во тьму – из-за нее. Он пожертвовал частью себя – своей человеческой частью и светом, своей душой, – из-за нее.

Она могла управиться с собственной кровью.

И ей не нужна чужая кровь на руках.

– Правило первое, – Кейт заставила себя говорить ровно и непринужденно. – Не заводи друзей. Это всегда плохо заканчивается.

Райли покатал банку с газировкой между ладонями.

– Но разве без них не страдаешь от одиночества?

Кейт улыбнулась. Насколько все проще, когда можешь лгать!

– Нет.

V

У насилия
есть вкус
есть запах

но главное —
есть
жар
тень
стоит
на улице
окутанная
дымом
огнем
гневом
яростью
наслаждаясь
теплом
и на миг
свет цепляется
за лицо
находя
скулы
подбородок
намек —
лишь намек —
на губы
на миг
но этого недостаточно
этого всегда недостаточно
в одном человеке
так мало тепла
и снова холодно
снова голодно
края
расплываются
сливаются с тьмой
так всегда
тень хочет
больше
ищет
в ночи
и находит
Женищину, пистолет, постель
Пару, кухню, колоду
Мужчину, повестку, кабинет
весь этот город
спичечный
коробок
ждуций
кто чиркнет
спичкой

Истина

VI

Стальная скрипка сверкала под его пальцами. Она жаждала, чтобы на ней играли.

Ее металлическое тело ловило солнечные лучи, обращая инструмент в свет. Август провел большим пальцем по струнам, проверяя каждую в последний раз.

– Эй, Альфа, ты готов?

Август захлопнул футляр и повесил его на плечо.

Команда ждала, сбившись в кучку на солнечном пятачке к северу от Линии – баррикады высотой в три этажа, протянувшейся, словно темная полоса горизонта, между Северным и Южным городом. Ани пила из фляги, Джексон изучал обойму своего пистолета, а Харрис... ну, Харрис это Харрис, он жевал жвачку и метал ножи в деревянный ящик, на котором сам намалевал грубое – во всех смыслах – изображение малхаи. И назвал его Слоаном.

День был прохладный, все были в полной экипировке, но Август надел лишь камуфляжные штаны и черную рубашку-поло. Руки у него были голые, не считая рядов черных штрихов, обвивающих запястье, словно наручники.

– КПП один, – послышалось из комм, – пять минут.

Август поморщился от громкости, невзирая на то что он вытащил наушник из уха и оставил висеть на шее. Голос донесся из Компаунда. Принадлежал он Филлипсу.

– Эй, Фил! – позвал Харрис. – Расскажи чего-нибудь смешное!

– Коммы не для этого.

– А хочешь, я расскажу? – предложил Харри. – Заходят как-то в бар корсаи, малхаи и сунаи...

Все застонали – включая Августа. Август на самом деле не понимал большую часть шуток ФТФ, но при этом понимал достаточно, чтобы считать шутки Харриса ужасными.

– Ненавижу ждать, – пробормотал Джексон, взглянув на наручные часы. – Я уже говорил, до чего я ненавижу ждать?

– Хватит ныть, – раздался из наушника голос снайпера Рез, залегшей на ближайшей крыше.

– Что там видно сверху? – спросила Ани.

– Периметр чистый. Все тихо.

– Плохо, – сказал Харрис.

– Идиот, – припечатала его Рез.

Август не обращал на них внимания. Он смотрел на другую сторону улицы, на их цель. Симфонический зал на Портер-роуд.

Само здание было встроено в Линию, или скорее Линия была возведена вокруг здания. Сошнувшись, Август посмотрел на солдат, патрулирующих баррикаду. Ему показалось, что он заметил поджарую фигуру Соро, но потом он вспомнил, что Соро сейчас должен находиться на втором КПП, в полумиле дальше по Линии.

За спиной у Августа уже завелся, как часы, привычный спор.

– ...не понимаю, какое нам вообще дело? Они бы для нас не стали...

– ...не суть...

– А что, разве не так?

– Мы это делаем, Джексон, потому что сострадание должно быть сильнее гордыни.

Голос, звучащий из наушника, был отчетливым и уверенным, и Августу сразу же представился человек, которому этот голос принадлежал, – высокий, худощавый, с руками хирурга и усталыми глазами. Генри Флинн. Глава ФТФ. Приемный отец Августа.

– Да, сэр, – пристыженно откликнулся Джексон.

Ани показала язык. Джексон продемонстрировал ей палец. Харрис хохотнул и начал собирать свои ножи.

Тут заверещали часы.

– Представление начинается! – весело возвестил Харрис.

В ФТФ всегда присутствовало два типа людей: те, кто дерется, потому что верит в дело Флинна, как Ани, и те, для кого дело Флинна стало отличным поводом подраться, как Харрис.

Теперь появился еще и третий тип – рекруты. Беженцы, которые перешли Линию не потому, что им позарез хотелось драться, а потому, что альтернатива – оставаться в Северном городе – была намного хуже.

Джексон был одним из них, рекрутом, выменявшим безопасность за службу и ставшим в результате командным медиком.

Он встретился взглядом с Августом.

– После тебя, Альфа.

Команда заняла предписанные по сторонам от него места, и Август осознал, что они смотрят на него, ждут, что он скажет, – так, наверное, они раньше смотрели на его старшего брата. До того как Лео был убит.

Они, конечно же, не знали, что убил его Август. Он запустил руку в грудь к Лео, сомкнул пальцы на темном огне сердца и вырвал его. Они не знали, что иногда, закрывая глаза, Август ощущает холодный жар, обжигающий ему вены, что голос Лео гулко и размеренно звучит у него в голове, и он думает, действительно ли ушедшее ушло, действительно ли энергия рассеяна, действительно ли...

– Август! – Теперь его окликнула Ани. Она выжидательно смотрела на него, приподняв брови. – Пора.

Август призвал к порядку заиклившийся мозг, позволил себе разок медленно моргнуть, выпрямился и произнес командным голосом:

– Занять свои места.

Они пересекли улицу быстрым, уверенным шагом – Август впереди, Джексон и Ани по бокам, Харрис замыкающий.

Бойцы ФТФ ободрали медные пластины со стен холла и приколотили к дверям, создав сплошные полотнища пылающего света. Соседство с таким количеством чистого металла слабого монстра просто сожгло бы. Даже Август скривился – его затошнило от всей этой меди, – но шага не замедлил.

Солнце уже миновало зенит и спускалось к горизонту, тени на улице начали удлиняться.

На медном покрытии северных дверей было выгравировано:

«Южный город, КПП № 1
Согласно распоряжению ФТФ,
Проход разрешен всем людям
С 8:00 до 13:00.
Проносить оружие запрещено.
Следуйте в Симфонический зал.
Внимание! Входя сюда,
Вы даете согласие
На проведение проверки».

Август протянул руку к двери. Когда он толкнул дверь, остальные члены ФТФ скользнули в стороны. Однажды он напоролся на засаду и получил очередь в грудь. Августу пули ничего не сделали – сытый сунаи неуязвим, – но рикошетом Харрису зацепило руку, и с тех пор команда чрезвычайно охотно позволяла Августу служить щитом.

Но когда Август шагнул внутрь, его встретило молчание.

Симфонический зал на Портер-роуд, как гласила табличка на стене, «был культурным центром столицы более семидесяти пяти лет». Под надписью даже красовалась гравюра с изображением главного холла во всем его деревянном, каменном и витражном великолепии, заполненного элегантными парами в вечерних нарядах.

Пересекая холл, Август мысленно попытался навести мост между тем, что было здесь когда-то, и днем нынешним.

Воздух в помещении был затхлым, витражи исчезли, окна забили досками и закрыли поверх теми же медными пластинами. Теплый свет усиленных ультрафиолетовых ламп горел достаточно высоко, но Август слышал гудение, громко и отчетливо, словно сигнал комм.

Сам вестибюль был пуст, и на долю секунды Августа посетила глупая надежда, что никто не пришел, что ему не придется этого делать – хотя бы сегодня. Но потом он услышал шаркающие шаги и приглушенные голоса тех, кто ждал в зрительном зале, как и было указано.

Август крепче сжал ремень скрипичного футляра.

Ани с Джексоном плавным движением растеклись в стороны, а он поплыл вперед и остановился перед изображением женщины на полу. Женщина была сделана из стекла: сотни, если не тысячи, стеклянных квадратиков, нечто большее, чем сумма частей. Он вспомнил нужное слово. Мозаика. Это называется мозаика.

– Левая сторона – чисто.

Мозаичная женщина раскинула руки и запрокинула голову, а музыка золотыми искрами лилась с ее губ.

– Правая сторона – чисто.

Август опустился на колени и провел пальцами по керамическим плиткам на краю мозаики, фиолетовым и синим, создающим ночь вокруг женщины, на секунду задержался на единственной золотой ноте. Женщина была сиреной.

Он читал про сирен, или, точнее, про них читала Ильза. Августа всегда больше интересовала реальность, чем мифы, – реальность, существование, шаткий миг между шепотом и взрывом, – а вот его сестра питала слабость к сказкам и легендам. Именно она рассказала ему про женщин, обитающих в море. Ради их прекрасных и опасных голосов моряки заводили свои корабли на скалы.

«Споет он и душу твою украдет...»

– Ждем твоей команды, – сказала стоящая рядом с ним Ани.

Пальцы Августа расстались с прохладными стеклянными квадратиками. Он выпрямился и повернулся к дверям, ведущим в Симфонический зал. Скрипка давила на плечо, каждый шаг порождал слабое гудение струн, слышимое, похоже, лишь ему одному.

Август остановился перед дверью и коснулся комм.

– Численность?

В динамике раздался голос Филлипса:

– Судя по камере, около сорока.

У Августа сжалось сердце. За шесть месяцев он стал осознавать вероятности и понимал, что шансы наткнуться на красное высоки, знал, в чем суть и ради чего он здесь.

Для этого – напомнил себе Август – он и существует.

VII

Наверное, когда-то Симфонический зал производил неизгладимое впечатление, но время – Феномен, войны за территорию и возникновение Линии – его не пощадило. Взгляд Августа скользнул по залу, по лишенному медной отделки потолку, по голым, ободраным стенам и рядам без кресел прежде, чем неизбежно остановиться на людях, сгрудившихся в центре. Сорок три человека – мужчины, женщины и дети – пересекли Линию в поисках убежища и безопасности; в их широко распахнутых глазах отражались нехватка сна и избыток ужаса. Они выглядели потрепанными: некогда добротная одежда изнасилась, а под кожей стали отчетливо проступать кости. Трудно было поверить, что этих же людей Август видел на улицах и в метро Северного города, что они позволяли себе притворяться, что Феномен никогда не случался, они много лет презирали Южный город, покупая себе безопасность, а не сражаясь за нее, те, кто закрыл глаза и заткнул уши, предпочитая платить десятину Келлуму Харкеру.

Но Келлум Харкер был мертв, Август собственноручно вырвал его душу.

Теперь он отошел в тень, выпуская вперед Харриса. Солдат промаршировал по центральному проходу, вскочил на сцену и раскинул руки с апломбом прирожденного артиста.

– Здравствуйте, – бодро сказал он, – и добро пожаловать на первый КПП. Я – капитан Харрис Фордэм, и я представляю спецназ Флинта...

Август много раз слышал подобные речи в исполнении Харриса.

– Вы пришли сюда по своей воле, а значит, кое-какой здравый смысл у вас есть. Но раз вам потребовалось шесть месяцев, его не так уж и много.

Харрис прав. Это было отребье, некогда уверенное, что они прекрасно обойдутся без помощи Южного города, слишком упрямое, чтобы признать – или слишком глупое, чтобы осознать, – во что они вляпались. За первые несколько недель, когда обещанная защита испарилась вместе со смертью Келлума, случился массовый исход. Тогда через Линию каждый день проходили сотни людей – среди них были и Джексон с Рез.

Но некоторые предпочли остаться, запереться в домах, затаиться и ждать, что к ним придет помощь.

А когда помощь не пришла, для них осталось три варианта: не дергаться, набраться смелости отправиться в Пустошь – опасное место за пределами города, где порядок уступил место анархии и каждый был сам за себя, – или пересечь Линию и сдаться.

– Вы смогли сюда добраться, – продолжал Харрис, – а значит, вы умеете ориентироваться на местности, но вид у вас такой жалкий, что я намерен говорить просто и понятно...

Какой-то мужчина в толпе пробормотал: «Я не обязан это терпеть», – и развернулся, чтобы уйти, но Джексон преградил ему путь.

– Вы не имеете права задерживать меня! – прорычал он.

– Вообще-то, – сказал Джексон, – вам следовало прочитать и то, что написано мелким шрифтом. Вы вошли в помещение службы проверки – и потому вы согласились на проверку. Вас еще не проверили, и вы пока что не можете отсюда уйти. Считайте это мерой предосторожности.

Джексон с силой подтолкнул мужчину к сцене. Улыбка на лице Харриса сменилась угрюмой миной.

– Итак, слушайте. Ваш губернатор мертв. А его монстры считают вас едой. Мы предлагаем вам хороший шанс на выживание, но за безопасность придется платить. Вы прекрасно все знаете, поскольку выбрали оплату деньгами. Что ж, у меня для вас плохая новость. – Он мрачно взглянул на женщину, сжимающую пачку купюр в пальцах, униженных кольцами. – В Южном городе это не работает. Вам нужны еда, убежище и безопасность? И вам придется потрудиться. – Он ткнул пятерней в значок ФТФ на своей форме. – Каждый день и каждую

ночь мы сражаемся, чтобы вернуть город себе. Раньше вступление в ФТФ было добровольным, сегодня оно обязательно для всех. И каждый житель города находится на службе.

Ани жестом показала ему, что пора закругляться, и лицо Харриса вновь приобрело дружелюбное выражение.

– Возможно, вы здесь потому, что прозрели. А возможно, потому, что отчаялись. Не важно, что стало причиной, но вы сделали первый шаг, и мы высоко ценим ваши намерения. Но прежде чем вы сможете совершить следующий шаг, мы должны вас проверить.

Это был сигнал для Августа.

Он отклеился от стены и пустился в долгий путь по центральному проходу, и звук его размеренных шагов усиливался акустикой зала. Кто-то начал рыдать и всхлипывать во весь голос. Август всматривался в толпу, ища предательское подрагивание тени, которое мог видеть только сунаи, движение, указывающее на грешника, но освещение и беспокойные передвижения людей мешали что-либо разглядеть.

Он шел, и следом за ним ползли шепотки.

Даже если люди еще не осознали, кто он такой, они, похоже, ощущали, что он не из их числа. Он долго и упорно трудился над тем, чтобы стать неотличимым от человека, но сейчас это не имело значения.

Маленькая девочка трех-четырёх лет от роду – он всегда плохо определял возраст – ухватила за женщину в зеленом. Видимо, за мать, предположил он, видя жесткость в ее уставшем взгляде. Август встретился с малышкой взглядом и постарался мягко улыбнуться, но в ответ она уткнулась матери в ногу.

Она боялась.

Они все боялись – его, Августа.

Стремление отступить поднималось в нем, как желчь к горлу, но с ним соперничало желание заговорить, убедить их, что причин для страха нет, что он здесь не для того, чтобы причинить им вред.

Но Август не мог лгать.

Монстры не способны лгать.

«Здесь твое место, – произнес у него в сознании голос, твердый и холодный, как гранит. Он звучал, как голос его умершего брата Лео. – И твое предназначение».

Август сглотнул.

– А сейчас самая главная часть, – продолжал Харрис. – Встаньте друг от друга на расстоянии вытянутой руки...

Когда Август поднялся на сцену, воцарилась абсолютная тишина, и он мог слышать и сдерживаемое дыхание, и испуганный стук сердец. Он присел, открывая застёжки на футляре, эти щелчки прозвучали громкими выстрелами в его голове, и достал скрипку.

«Сунаи, сунаи, глаза словно угли...»

При виде инструмента до новеньких дошло, что ФТФ имели в виду под проверкой, и по толпе прокатилась волна беспокойства.

«Споет он и душу твою украдет!»

Мужчина лет тридцати окончательно запаниковал и кинулся к выходу из зала. Он успел пробежать несколько метров, прежде чем Ани и Джексон схватили его и заставили встать на колени.

– Отпустите меня! – умолял он. – Пожалуйста, отпустите меня!

– Чего побегал? – упрекнул его Джексон. – Тебе что, есть чего скрывать?

Харрис хлопнул в ладоши, чтобы привлечь внимание толпы к сцене.

– Начинаем проверку!

Август выпрямился и примостил скрипку под подбородком. Он посмотрел в зал – на море лиц, на каждом из которых были написаны столь яркие эмоции, что он сразу же осознал, сколь

тищетными были его усилия. Он потратил четыре года, пытаясь разобраться в человеческой мимике, стараясь имитировать хоть что-то из арсенала смертных, как будто копирование могло сделать из него человека.

Он желал лишь стать человеком, и желал столь яростно, что взамен отдал бы все, включая собственную душу. И он делал все, что только мог, даже морил себя голодом до предела – и за предел.

Но Август не способен был стать человеком.

И теперь он это знал.

Вопрос не в том, что он такое, а в том, зачем он, каково его предназначение, его роль. У каждого своя роль.

А сейчас ему предстоит играть.

Август поднес смычок к струнам и извлек первую ноту.

Несколько долгих мгновений она висела в воздухе единственной и одинокой нитью, прекрасной и безобидной, и только когда она стала слабеть и растворяться, Август зажмурился и погрузился в песню. Она выплескивалась наружу, обретая форму в пространстве, переплетаясь вокруг человеческих тел, поднимая их души на поверхность.

Если бы глаза Августа были открыты, то он бы увидел, как люди сутулятся и опускают головы. Узрел бы, как стремление к борьбе вытекает из человека, стоящего на коленях, и из всех остальных зрителей, как музыка смывает с них страх, гнев и неуверенность. Увидел бы, как обмякает их плоть и пустеют глаза его солдат, потерявшихся в упоении музыки.

Но Август не разлеплял век, наслаждаясь тем, как с каждой нотой расслаблялись его мышцы, как напряжение покидало голову и грудь, хотя тоска возрастала, становилась тянущейся и болезненной.

Он представлял себя на поле за Пустошью, и высокая трава колыбалась в такт музыке, представлял себя в звукоизолированной студии в Колтоне, и ноты пульсировали и отражались от белоснежных стен, представлял, что он один.

Не одинокий, но... свободный.

А затем мелодия закончилась, и на краткий миг, пока аккорды затихали в пространстве, он стоял, не шевелясь, еще не готовый к возвращению.

Но, в конце концов, шепот заставил его вернуться.

Он мог означать лишь одно.

У него стянуло кожу. Сердце замерло. Голод пробудился в нем – примитивный, зияющий центр самой его сути, широко распахнутый и ненасытный зев.

Первым, что он увидел, открыв глаза, был свет. Не резкий свет от ВУФ, заливающий фойе, а мягкое свечение человеческих душ. Сорок две из них сияли белым.

А одна – красным.

Душа, запятнанная насилием и породившая чудовище.

Женщина в зеленом.

Мать, к которой по-прежнему прижималась девочка. Маленькая ручонка крепко обхватывала материнскую ногу. Красный свет каплями вспыхивал на коже женщины, струился по щекам, как слезы.

Август заставил себя спуститься вниз по ступенькам.

– Он разбил мое сердце, – призналась женщина, сжав кулаки. – Поэтому я разогналась. Я увидела его на улице и разогналась. Я ощущала, как ломаются его кости под колесами моей машины. Я оттащила его с дороги. Никто не узнал, никто, но я до сих пор слышу этот звук. По ночам... Я так устала и измучилась...

Август потянулся к ее рукам и замер, его пальцы зависли в дюйме от ее кожи. Это возмездие. Она согрешила, а ФТФ не покрывает грешников.

Но это оказалось не так просто.

Он мог ее опустить.

Он мог...

Свет в зале начал меркнуть, бледное мерцание сорока двух человеческих душ вновь вливалось в людские тела. А ее красный пылал еще ярче. Их взгляды встретились. Она смотрела куда-то мимо него, возможно, сквозь него, но одновременно и на него.

– Я устала... – прошептала она. – Но я сделала бы это снова.

Ее последние слова разрушили волшебство. Где-то в городе жил, охотился и убивал монстр – из-за того, что сделала она – женщина в зеленом. Она сделала свой выбор.

А Август – свой.

Он обхватил ее руки своими ладонями, навеки угасив красный свет.

VIII

Когда все закончилось, Август поспешно отступил в холл – как можно дальше от общего потрясения, ощутимого облегчения уцелевших и пронзительного детского крика.

Он остановился у сирены, потирая руки. Последние слова грешницы продолжали звучать у него в ушах. Ее жизнь еще пела у него под кожей и дарила ему мгновение силы и уравновешенности. Не утоление голода – он уже несколько месяцев не бывал голоден, – скорее ощущение того, что он реален. Но ощущение непоколебимого спокойствия испарилось в тот же миг, как девочка закричала.

Он унес труп из зала, чтобы его забрала отдельная команда. Кожа женщины при прикосновении порождала у него странное ощущение – холода, тяжести, пустоты, – и ему хотелось отпрянуть.

Август провел немало времени, наблюдая за бойцами ФТФ: теперь он не пытался подражать их выражениям лиц, позам, интонациям, но их изучение превратилось у него в привычку. Он смотрел, как дрожат их руки после тяжелой операции, как они пьют, курят и шутят, чтобы скрыть свой ужас.

Август не испытывал подавленности и не нервничал.

Но у него внутри было пусто.

«Интересно, сколько весит душа?» – подумал он.

Меньше, чем тело.

Двери симфонического зала распахнулись.

– Сюда, – распорядился Харрис и повел группу через холл. Малышку Ани несли на руках.

Август почувствовал, как на плечо ему легла ладонь Джексона.

– Ты сделал свою работу.

Август сглотнул и отвернулся.

– Знаю.

Они привели толпу к южному выходу. Двери оказались заперты, и, когда Ани постучала по комму, Август набрал код.

– Чисто?

Потрескивание помех, бесстрастный голос Рез.

– Чище не бывает.

Когда Август двинулся вперед, в начало группы, люди расступались перед ним, как будто даже небольшое расстояние могло обезопасить их.

Август очутился на улице. Здесь высились здания Северного города, а солнце продолжало медленно опускаться к линии горизонта.

Время до начала сумерек было безопасным, а значит, монстры пока не угрожали людям. Корсаи прятались в темноте, а малхаи дневной свет хоть и не выводил из строя, но как-то ослаблял.

Зато подлинной опасностью являлись Клыки, люди, принесшие клятву верности малхаи, почитающие монстров, как богов, или решившие, что лучше подчиниться, чем бежать. Клыки устроили тогда на них засаду в Симфоническом зале, они совершали большинство преступлений именно днем, они с каждым новым грехом приводили в мир новых монстров.

Август двинулся через улицу наискосок.

Шесть кварталов отделяли КПП от безопасного компаунда Флинна, но сорок два потрясенных мирных жителя, четверо бойцов ФТФ и один сунаи могли показаться слишком соблазнительной целью. У них имелась дюжина джипов, но с бензином было туго, да и спрос на машины оказался большой. К тому же проверка всегда сопровождалась напряженностью, а Генри не хотел, чтобы новые рекруты чувствовали себя арестантами, которых везут в тюрьму.

«Идите вместе с ними, – сказал он. – Шаг в шаг».

И поэтому Август и его отряд вели сорок двух гражданских к широкой лестнице на углу.

Поблизости слышался топот армейских ботинок – небрежная, уверенная походка, – и секунду спустя Рез зашагала с ним в ногу.

– Привет, босс.

Она всегда называла его так, хоть и была лет на десять старше. Но ведь Август только выглядел на семнадцать. Он возник пять лет назад, из порохового дыма и падающих на пол кафе гильз. Рез была невысокой и сухощавой – одна из первых рекрутов Северного города, сменявшего подвеску Харкера на жетон ФТФ. В прошлой жизни, как она называла время до последних событий, она была студенткой юридического факультета, а теперь стала одной из лучших в команде Августа, днем – снайпер, ночью – его напарник по разведывательно-спасательным операциям.

Август рад был видеть ее. Рез никогда не спрашивала, сколько душ он извлек, никогда не пыталась подшучивать над тем, что он сделал – что он должен был делать.

Они вместе дошли до запертого лестничного колодца. Стальная арка наверху указывала, что это станция подземки. Завидев ее, некоторые притормозили.

Август их не винил.

Подземка в общем и целом слыла царством корсаи: темные туннели вроде тех, по которым он бежал вместе с Кейт, полные извивающихся теней, когтей, блестящих во тьме, словно покрытых маслом, сочащегося между зубов шипения «бейломаиплотькостьбейломой».

Но лестница за воротами оказалась ярко освещена.

ФТФ три недели трудились над тем, чтобы сделать данную линию безопасной. Они заделали трещины и набили перегон таким количеством УФ-светильников, что Харрис с Джексон прозвали его солярием, поскольку за время пути от КПП до компаунда можно было и загореть.

Рез открыла череду замков, и Август слегка скривился от яркого света, когда они спустились на платформу, а потом и на рельсы.

– Не отставать! – скомандовала Ани, пока Харрис запирал за ними ворота.

Здесь, внизу, была мертвая зона, коммы не работали, и, когда они шли рядами по двое-трое, слышалось лишь эхо. Джексон с Харрисом нарушали тишину, засыпая потрясенных рекрутов инструкциями. Август сосредоточился на биении собственного сердца, тиканье наручных часов и отметках на стене – считал, сколько еще осталось до того, как они смогут выбраться наверх.

Когда они наконец поднялись по лестнице, ведущей на улицу, Компаунд, освещенный от крыши до тротуара, высился перед ними, как гигантский часовой. Подножие здания опоясывала УВУ полоса шириной с дорогу – научно-технический эквивалент замкового рва, – и она разгоралась все мощнее по мере того, как мерк свет солнца.

Вход в Компаунд охраняли солдаты. При виде свежей порции выживших из Северного города выражение их лиц сменилось с мрачного на раздраженное, но при виде Августа они устали в пол.

Рез нырнула в сторону, бросив: «Пока, босс!», а сорок два рекрута стали подниматься по ступеням. Август остановился у края светящейся полосы и прислушался.

Вдалеке, где-то за Линией, кто-то кричал. Звук был отдаленным, пронзительным и слишком прерывистым для человеческого уха, но Август его слышал, и чем дольше он прислушивался, тем больше звуков он различал. Веер созвучий постепенно начал раскрываться перед ним. Тишина распалась на десяток различных шумов: шорох во тьме, гортанное рычание, скрежет металла о камень, жужжание электричества, судорожный всхлип.

Интересно, сколько жителей еще осталось за Линией?

Сколько бежало в Южный город или спряталось в Пустоши?

Скольким не удалось спастись?

Некоторое время назад Слоан со своими монстрами собрали множество людей и заперли их в импровизированных тюрьмах, устроенных из отелей, жилых домов, складских помещений. Ходили слухи, что каждую ночь они выпускают пару-тройку пленников. Просто ради удовольствия поохотиться на них.

Август повернулся и двинулся следом за своей командой, но стоило ему оказаться в Компаунде, как он направился напрямик к лифтам, избегая взглядов солдат, новых рекрутов, маленькой девочки, которую передали бойцу ФТФ.

Он прислонился к стене кабины, наслаждаясь мгновением одиночества, – и тут закрывающуюся дверь удержала чья-то рука. Двери разъехались в стороны, и внутрь ступил какой-то сунай.

Август выпрямился.

– Соро.

IX

– Привет, Август, – сказали Соро, просветлев лицом.

Длинные пальцы коснулись кнопки двенадцатого этажа. Соро были постарше своих брата и сестры, однако вели себя с Ильзой так, словно та была бомбой с запущенным часовым механизмом, и смотрели на Августа с той же смесью осторожности и превосходства, с какой сам Август когда-то взирал на Лео. Соро были высокими и худощавыми, с серебристой кожей, расцвеченной маленькими черными крестиками. Они обладали пышной шапкой серебристых волос, нависавших как тень и менявших выражение лица Соро в зависимости от освещения. Сегодня волосы были убраны назад, полностью открывая взгляду нежные деликатные скулы и широкие брови.

Поначалу Август думал о Соро как о девушке, пусть и не совсем был в этом уверен, но когда он набрался смелости, чтобы спросить, кем себя считает Соро, мужчиной или женщиной, самый младший член семьи Флиннов смерил его долгим взглядом, прежде чем ответить.

– Я – сунай.

Это было сказано так, словно остальное не имело значения. Август подумал, что, скорее всего, так оно и есть. С тех пор он всегда воспринимал Соро во множественном числе, и никак иначе.

Когда кабина поехала вверх, Август быстро и вскользь глянул на сунай. Форма заляпана смесью черной запекшейся крови монстров и людской крови, но казалось, что Соро то ли ничего не замечают, то ли им просто безразлично. Они наслаждались охотой. Хотя нет, наслаждение, пожалуй, было не совсем верным определением.

В Соро не было ни праведности Лео, ни причуд Ильзы, ни, насколько Август мог судить, присущего ему самому непонятого стремления ощущать себя человеком. Зато была непоколебимая решимость, вера в то, что сунаи существуют исключительно для уничтожения монстров и искоренения грешников, их породивших.

Гордость – вот, пожалуй, словечко, точнее всего описывающее Соро.

Они гордились своей способностью охотиться, и пусть в них не было страсти Лео, они не уступали ему в мастерстве.

– Как ты сегодня? День удался? – спросил Август, и на лице Соро мелькнула тень улыбки, настолько мимолетной, что кто-то другой даже не заметил бы ее, столь призрачной, что и Август ее пропустил бы, если бы частенько не заставлял себя демонстрировать эмоции так, чтобы те были заметны людям.

– Опять ты со своими странными вопросами, – они задумались. – Я извлек семь жизней. Можно сказать, что день удался?

– Только если они действительно заслуживали смерти.

Соро чуть нахмурились.

– Конечно, да.

Ни сомнений, ни колебаний. И, глядя на отражение Соро в стальной двери, Август задумался: есть ли связь между тем, из-за чего они появились, и такой решимостью? Как и все сунаи, они рождены трагедией, но если Августа породило массовое убийство, то катастрофа, вызвавшая к жизни Соро, оказалась более... добровольной.

Через месяц после того как Северный город поглотил хаос, группа, называвшая себя КЛС – Корпорацией Людской Силы, – нашла тайный склад оружия и решила взорвать тоннели метро, где обитало множество монстров.

А поскольку убивать корсаи непросто – тени легко рассеять, но трудно уничтожить, – люди постарались заманить в тоннели максимум малахаи, используя себя в качестве живца. Они преуспели – если к самоубийственной миссии вообще допустимо применять данное определение. Изрядное число монстров погибло, и с ними двадцать девять человек, часть метро тоннелей Северного города рухнула, а восстал из руин лишь один – тот, кто называл себя Соро, и за ним тянулся тонкий, трепещущий след классической музыки наподобие той, что звучала в метро при Харкере.

Лифт остановился на двенадцатом этаже, Соро вышли и оглянулись, пока двери не успели закрыться.

– А у тебя?

Август недоуменно заморгал.

– Что у меня?

– У тебя день удался?

Август подумал о мужчине, вымаливающем жизнь, о маленькой девочке, цеплявшейся за мать.

– Ты прав, – сказали Соро, когда двери лифта закрылись. – Вопрос и вправду странный.

К тому моменту, когда Август добрался до крыши Компаунда, ему требовался глоток свежего воздуха.

Это не было физическим ощущением, как голод или дурнота, но воспринималось точно так же и гнало его на крышу Компаунда.

Отсюда открывался вид на весь город.

Сюда оказалось сложно попасть, поскольку ни через лифт, ни с главной лестницы выходов не имелось, но в прошлом году Август обнаружил люк в электрощитовой. И теперь он оказался на свежем воздухе. Солнце уже коснулось горизонта и испустило медленный, дрожащий выдох.

Здесь, наверху, он мог дышать.

Здесь, наверху, он остался один.

Здесь он наконец-то мог позволить себе распасться на части.

Именно так оно ощущалось – медленным разворачиванием: вначале поза, затем лицо, потом каждый сантиметр тела, окаменевшего от необходимости держать себя в руках под тяжестью внимательных взглядов.

«Соберись», – проворчал Лео у него в голове.

Август задавил голос брата и двинулся вперед, пока носки его ботинок не поравнялись с краем крыши. В полете с двадцати двух этажей не было бы ничего, кроме бетона внизу. Боль была бы мимолетной.

Его всегда завораживал закон тяготения Ньютона, особенно та часть, где говорилось об одинаковой скорости падения предметов вне зависимости от их состава. Стальной подшипник. Книга. Человек. Монстр.

Разница заключалась лишь в том, что с ними происходило, когда они достигали поверхности. Сила удара раздробила бы бетон под его телом. Но, когда пыль рассеялась бы, он бы еще дышал.

Он бы встал. Целый и невредимый.

«Падает все», – задумчиво пробормотал Лео.

Август отступил на шаг, и еще на один, опустил на нагретую солнцем крышу и обхватил себя руками за колени. На коже сияли метки.

Он долго пытался их скрывать – а теперь открыто демонстрировал. По одной за каждый день, в который Август удерживался от падения во тьму.

По одной за каждый день с тех пор, как он...

«Убил меня».

Август плотнее зажмурил веки.

«Сейчас ты настоящий монстр».

– Хватит, – прошептал он, но голос Лео продолжал звучать в голове, и хуже всего было то, что Август не знал, не понимал, было ли это воспоминанием, отголоском или реальным Лео, какой-то частью его брата, проникшей в его нутро.

Он убил Лео, извлек его жизнь или душу – в общем, то, что у сунаи внутри, – и теперь оно плескалось в нем. Август представлял их жизни похожими на масло и воду – двумя несмешиваемыми жидкостями.

Он частенько задумывался, не оставались ли в нем те людские души, которые он извлек, не проникли ли в его кровь некие частицы того, какими они были, чем они являлись, смешавшись с его собственной личностью. Но люди никогда не подавали голос. В отличие от Лео.

«Скажи мне, Август, ты все еще голоден?»

Он вогнал ногти в шероховатое покрытие крыши. Месяцы минули с тех пор, когда он был голоден? – но сунаи ненавидел ощущение быстро проходящей сытой наполненности, ненавидел сам факт того, что чем чаще он ел, тем сильнее ощущалась опустошенность.

И ненавидел то, что где-то в глубине души он хотел сорваться, вновь ощутить лихорадочное покалывание, наваливающийся холод. Вот бы вспомнить, каково это – ощущать себя живым и умирать от голода! Каждый день, входя в Симфонический зал, Август надеялся, что души будут мерцать белым. Но такого почти не бывало.

Небо начало темнеть, напоминая наливающийся синевой гематому, и Август положил голову на колени и дышал в серебящуюся между грудью и ногами щель, пока сгущались сумерки. Солнце практически село.

Вдруг Август ощутил слабое дуновение воздуха. Чья-то рука коснулась головы.

– Ильза, – тихо произнес Август.

Когда сестра присела рядом, он с трудом поднял голову. Босая, со свободно развевающимися по ветру светлыми рыжеватыми локонами, она казалась открытой и беззащитной. В такие моменты было легко забыть и то, что она – первая из сунаи.

Именно она сотворила Пустырь, полностью уничтожив часть города и всех, кто там находился.

«У нашей сестры две стороны. Они не встречаются».

Но Август никогда не видел сумеречную сторону Ильзы. Он знал только шаловливую и ласковую и иногда потерянную Ильзу.

Единственное, что пропало, – ее голос.

Август скучал по нему, по переливчатым интонациям, которые придавали всему легкость. Ильза уже не разговаривала. Не могла. Расстегнутый воротник открывал ужасный шрам, обвивающий ее горло подобно ленте. Это была работа Слоана. Он перерезал голосовые связки, вырвал ее голос и украл у Ильзы способность петь.

Однако голос сестры поселился в голове у Августа, как и голос Лео, и, когда их взгляды встретились, он прочитал в ее глазах вопрос. Постоянную заботу. Мягкое побуждение.

«Поговори со мной».

Когда она взяла его под руку, примостив голову на его плече, он понял, что она его выслушает и поймет.

Он может сказать ей о девочке и ее матери, о голосе Лео, царапающемся где-то внутри сознания, о своих желаниях и страхах, о том, что он боялся своего предназначения, боялся не исполнить и исполнить, боялся того, чем ему нужно было стать, и того, кем уже стал... и о правде, которая скрывалась под ворохом всего, – и пусть она уже звучала совсем глухо, но однако же никуда не делась – о своем тщетном, бесполезном и неисполнимом стремлении стать человеком. О жажде, которую он пытался подавить, а она затаилась, и стоило ему немного расслабиться, как она нахлынула снова, отвоевывая себе пространство.

Сестре можно все рассказать, исповедоваться, подобно тому как осужденные души открывались ему, но был ли в этом смысл? Слова в его голове выстроились чередой костяшек домино, и первый же произнесенный вслух слог обрушит все, вызывая цепную реакцию. Зачем? Ради эгоистичной потребности чувствовать?

Ильза крепче сжала его руку.

«Поговори со мной, братец!»

Но приказы сунаи бессильны без звука голоса. Августу казалось нечестным, что ему не приходится отвечать лишь потому, что она не в состоянии задать вопрос.

– Все идет как должно, – сказал он, поскольку это не было враньем, хотя и не ощущалось правдой.

Ильза подняла голову, и ее личико на миг омрачила печаль. Август отвел взгляд. Ильза отстранилась и легла навзничь на бетонную крышу, широко раскинув руки, как будто пытаясь обнять небо.

Безоблачный день сменялся ясной и безлунной ночью, и с этой высоты и при почти полностью отключенном освещении в Северном городе Август смог разглядеть несколько звезд. Далеко не те нарисованные светом картины, что он видел за пределами города, – просто горстка мерцающих точек над головой, вспыхивающих, чтобы погаснуть и вновь зажечься, словно напоминание о той ночи на Пустоши, когда рядом была Кейт, а болезнь только начиналась. Когда угнанная машина сломалась и они стояли на обочине дороги, озябшая Кейт и пылающий Август, а над ними раскинулось звездное покрывало. Когда он смотрел, загипнотизированный количеством звезд, а она сказала, что люди созданы из звездной пыли, и он, возможно, тоже.

Хорошо бы она была права.

– Альфа! – раздался в комме голос Филлипа.

Август выпрямился.

– Слушаю.

– Мы получили сигнал SOS. Группа Дельта просит помощи.

– Север или Юг? – спросил Август, поднимаясь.

По небольшой заминке он понял ответ прежде, чем Филлипс заговорил снова.

– Север.

Август взглянул в сторону Линии, на хребте которой мерцало уходящее солнце. За Линией острыми зубами вздымалась северная половина города. Он ощущал взгляд сестры, но не оглянулся, когда подошвы ботинок коснулись края крыши.

– Уже иду, – сказал Август.

И шагнул за край.

X

Здания напоминали Слоану зубы, сломанную челюсть, впившуюся в раненое небо. Сумерки, тот момент, когда день сползает в темноту, когда даже человеческий рассудок уступает место животному началу.

Слоан стоял перед окном башни и смотрел наружу, в точности так же, как Келлум Харкер. Он мог оценить изящество и поэтичность хода: создание сменило создателя, тень пережила свой источник.

Кабинет занимал угол здания, некогда именовавшегося Харкер-Холлом, и две его стены были сплошь стеклянными. Сейчас огромные окна ловили одни фрагменты отражения Слоана и поглощали другие. Черный костюм малхаи сливался с сумерками, резкие грани лица светились белизной, словно кость, а глаза горели двумя красными прорезами в силуэте ночного города.

С приходом ночи его отражение в стекле становилось идеальным.

Но когда солнце садилось, искусственный свет сочился с юга, заставлял изображение дробиться, затягивал его дымкой, напоминающей смог, – и выступ Линии, и вырисовывающийся на фоне неба Компаунд Флинна за ней тоже дробились на части.

Слоан задумчиво поскреб когтем по стеклу и принялся размеренно постукивать в ритме тиканья часов.

С тех пор как он занял место, принадлежащее ему по праву, прошло шесть месяцев. Полгода с того момента, как он подчинил своей воле половину города. Но Компаунд еще стоял, ФТФ продолжали сопротивляться. Неужели они не видели, что их старания обречены? Хищники созданы для того, чтобы торжествовать над добычей. Он, конечно, продемонстрирует им свое величие.

Они никогда не победят, не могут победить, их конец неизбежен, и вопрос только в том, подчинятся ли они, умрут ли быстро или медленно.

Слоан перенес внимание на свою половину города, где властвовала тьма. Свет здесь служил определенной цели – сохранял их пищу живой. Корсаи никогда не были склонны к воздержанности. Они пожирали все, до чего могли дотянуться. Любое живое существо, очутившееся в темноте, превращалось в корм.

Но корсаи были привязаны к темноте, и потому малхаи заперли будущую еду в хорошо освещенных зданиях.

Темноту прорезали цепочки мощных ламп.

Однако город усеивали и другие огоньки.

Огоньки укрытий.

Тоненькие полоски, проскользнувшие под дверями и заколоченными окнами, оберегающие светильники, превратившиеся в маяки, упорные и манящие, как биение сердца.

«Я здесь, – словно говорили они. – Я здесь, приходи и возьми меня».

И он придет.

Из-за приоткрытой двери кабинета раздал голоса, приглушенные звуки борьбы, проволокли брыкающееся тело. Кто-то пытался вопить сквозь кляп.

Слоан улыбнулся и отвернулся от стекла. Он обошел широкий дубовый стол. Его взгляд, как всегда, привлекло пятно на паркете – то место, где кровь образовало постоянную тень. То, что осталось от Келлума Харкера.

Если, конечно, не считать его, Слоана.

Он распахнул дверь, и секунду спустя пара малхаи вломилась в кабинет, волоча девушку. У девушки было все, что он желал: светлые волосы, голубые глаза, бойцовский характер.

«Катерина», – подумал Слоан.

Она, разумеется, не была Катериной Харкер, но на одно бесконечное мгновение – когда его чувства еще не заработали и не отметили дюжину отличий между дочерью Харкера и этой обманкой – Слоан поддался иллюзии.

И в конечном итоге различия не имели значения. Самым важным являлось не лицо, не фигура и не запах. Самым важным было, как они сражались.

А девушка как раз сражалась. Даже с заклеенным ртом и связанными руками. На щеках еще не высохли слезы, но глаза уже сверкали. Она пнула одного из малхаи, но промахнулась, и тот вынудил ее встать на колени.

Слоан сузил глаза при виде хватки малхаи на голой руке девушки: из-под острых когтей текла кровь.

– Я вам приказал не причинять ей вреда, – ровным тоном произнес он.

– Я пытался, – отозвался первый малхаи. Слоан не запоминал их имен. Не видел смысла. – Ее нелегко было поймать.

– Мы сделали все, что смогли, – сказал второй, пнув девушку.

– Радуйся, что мы не съели ее сами, – добавил первый.

Слоан чуть склонил голову набок.

А потом разорвал твари горло.

Касательно малхаи существовало одно ошибочное мнение. Большинство людей, похоже, думали, что единственный способ убить малхаи – уничтожить его сердце. Естественно, то был самый быстрый способ, но можно ведь и рассечь мышцы горла. Если у вас достаточно острые когти.

Монстр тщетно схватился за изуродованную шею. Хлынула черная кровь. Он открыл и закрыл рот. Он не умрет от раны, но теперь он слишком слаб, чтобы охотиться, а малхаи не отличаются щедростью, когда речь идет о крови.

Слоан наблюдал за корчащимся малхаи.

Он не переставал ждать вызова – что кто-нибудь возмутится и попытается свергнуть его, но никто так и не попытался. Они не хуже Слоана знали, что монстры не созданы равными. Они понимали, что слабее его, и смиряли черные сердца в своей груди.

Всякий хищник чувствует сильнеешего.

Слоан всегда был... неповторим.

Да, верно – малхаи появились в результате убийства. Но он возник в результате бойни. В первую ночь войн за территорию, когда Келлум Харкер объявил Северный город своим, он устроил резню, чтобы устранить соперников. В сознании Слоана промелькнула картина – скорее видение, чем воспоминание: длинный стол, десятки тел в десятках кресел и лужи крови на полу под ними.

Как же говорил Келлум?

«Дорога вверх вымощена трупами».

Слоан часто думал, что он мог бы стать сунаи, однако некая незримая рука изваяла именно его. Возможно, так случилось потому, что в той комнате в ту ночь невинных не было.

Или, возможно, у судьбы имеется свое чувство юмора.

Раненый малхаи утратил запал. Из горла его вырвался скрежещущий звук, за ним следом – бульканье, и тварь упала на колени. Сгустки черной крови испятнали пол, и Слоан пинком отшвырнул малхаи подальше от отметины Келлума.

Девушка стояла на коленях. Ее удерживал второй монстр. Он смотрел на кровь, пульсирующую в горле второго малхаи, и его скелетоподобное лицо превратилось в искаженную маску.

Слоан достал из кармана рубашки темный платок.

– Убирайся, – велел он, стирая с пальцев запекающуюся кровь. – И дружка с собой прихвати.

Малхаи повиновался. Чтобы вытащить второго монстра за дверь, он отпустил девушку.

Но, как только его хватка исчезла, девушка вскочила и попыталась сбежать.

Слоан улыбнулся. Он всадил каблук в ковер и дернул его на себя. Девушка пошатнулась, пытаясь удержать равновесие, и в этот чудный миг, прежде чем девушка успела рухнуть навзничь или устоять, Слоан прыгнул.

И вот он очутился сверху, припечатав ее спиной к полу. Девушка сопротивлялась, как и Кейт – тогда в траве или на гравии. Она вцепилась в него связанными руками, слишком короткие ногти скребли по его твердой коже. А потом он запустил пальцы в ее волосы цвета соломы, оттянул голову девушки назад, открывая жилку на шее, и впился ртом в изгиб шеи, наслаждаясь ее нарастающим криком.

– Катерина, – прошептал он, прежде чем укусить.

Зубы легко пронзили кожу и мышцы. Красная кровь брызнула ему на язык, выплескивая силу и саму жизнь, и крик девушки умер. Она пыталась сопротивляться, но удары становились слабее, конечности двигались вяло, и тело постепенно сдавалось.

Девушка содрогнулась, и Слоан с наслаждением впитал то мгновение, когда ее тело обмякло, а сердце все еще пыталось биться, и блаженную неподвижность, когда оно наконец замерло.

Он разжал челюсти. Клыки вышли из раны с влажным чавканьем. Слоан выпутал пальцы из волос девушки. Золотые пряди липли к руке, как паутина, и ему пришлось стряхивать их. Пряди легли на ее лицо, тонкие и прекрасные, словно старые шрамы.

– Что ты будешь делать, – раздался от двери ледяной голос, – когда блондинки закончатся?

Слоан щелкнул челюстями. Силуэт непрошеного гостя маячил на грани его видимости, вместе со стоящим за ним призраком девушки, со знакомой, но искаженной тенью.

Алиса.

Слоан с трудом поднял взгляд.

На ней были старые вещи Катерины, брошенное ненужное барахло – черные джинсы и потрепанная рубашка. Волосы у Алисы, скорее белые, чем белокурые, оказались подрезаны под острым углом на уровне подбородка. Кровь – потемневшие артериальные брызги – покрывала ее руки от локтей и до длинных ногтей. С окровавленных пальцев свисало несколько лоскутов, и на каждом были напечатаны три буквы: «ФТФ».

– У каждого свои вкусы, – пробормотал Слоан, вставая.

Алиса нарочито медленно склонила голову набок. Глаза у нее были красными, как угли, как и у Слоана, и у всех малхаи, но каждый раз, глядя на нее, Слоан невольно ожидал, что они окажутся голубыми (как у ее – он чуть не подумал «отца», хотя это было неверно). Келлум Харкер являлся отцом Катерины, а не Алисы. Нет, если Алису кто-то и породил, так это сама Катерина – или ее преступления, точно так же, как Келлум породил Слоана.

– Ты добила цели? – спросил он. – Или устроила кутерьму?

Алиса достала что-то из кармана и бросила ему. Слоан поймал предмет на лету.

– Четыре закладки готовы, – сообщила Алиса. – Три ушли.

Слоан посмотрел на предмет. Маленький кубик, желтовато-белый, как свежий труп, но Слоан знал, что это такое. Некоторое количество пластиковой взрывчатки.

Небольшой улов.

– Где остальное?

Алиса проказливо улыбнулась.

– В безопасном месте.

Слоан вздохнул и выпрямился. Кровь перестала бурлить, в желудке разлилось тепло. Эйфория убийства – прискорбно краткая штука. Умерев, девушка потеряла всякое сходство с Катериной, что было крайне неудовлетворительно. Пусть кто-нибудь полакомится трупом. Какой-нибудь корсаи. Они все сожрут.

Алиса заметила, как он взглянул на тело. Внешность мертвой девушки смутно напоминала ее собственную. Ее глаза заблестели, но не от гнева или отвращения, а от интереса.

– Почему ты ее ненавидишь?

Слоан задумчиво провел языком по зубам. Он не ненавидел Катерину. Ему доставляла удовольствие мысль о том, как он ее убьет. И он негодовал на нее за то, что она отняла ту жизнь, которая должна была принадлежать ему, – жизнь ее отца. Теперь он уже не изведает, какова на вкус кровь Келлума Харкера. Но, пока Катерина где-то прячется, он может предаваться мечтам.

Он смахнул с уголка рта случайную каплю крови.

– Ненавидит ли хищник свою жертву? – спросил Слоан. – Или он просто голоден?

Внимание Алисы по-прежнему было приковано к девушке.

– Ее здесь нет, – она моргнула. – Я это чувствую, словно паутину на коже.

Слоан понял, что Алиса имела в виду. Каждый день их совместного существования он ощущал нити жизни Келлума – тонкие и незримые, – от которых невозможно было избавиться. А смерть своего создателя он ощутил как освободивший его щелчок острых ножниц.

Алиса согнула пальцы, и последние задержавшиеся бусинки крови упали на пол.

– Когда-нибудь я найду ее и...

– Пойди вымойся, – перебил ее Слоан, швырнув платок в сторону Алисы. – Ты устроила беспорядок.

Он не стал говорить, что Катерина – его добыча, и когда она вернется домой – а она вернется, ее всегда тянуло домой, – ее смерть будет принадлежать ему.

Но Алиса даже не шелохнулась, чтобы подобрать лоскуток ткани, и тот спорхнул на пол и опустился мертвой девушке на лицо. Алиса поймала взгляд Слоана и медленно расплылась в улыбке.

– Конечно, папа.

Слоан от отвращения стиснул зубы.

Когда Алиса в первый раз назвала его так, он ударил ее, ударил с такой силой, что она врезалась в стену. Алиса же лишь выпрямилась, издала бесящий его смешок и покинула пентхаус, вышла из здания и растворилась в ночи.

Когда она вернулась после рассвета, руки ее были скользкими от крови, но тогда она не принесла нашивок ФТФ. Она улыбнулась Слоану, поздоровалась и прошла к себе в комнату. И, только покинув пентхаус, Слоан узнал, что она сделала: Алиса пошла и убила всех светловолосых голубоглазых девушек, каких только смогла найти. А трупы выложила рядочком у входа в Харкер-Холл.

Тогда Слоан подумал, не убить ли ее, как думал уже раз сто, но некоторые желания от ожидания становятся слаще. Возможно, когда он покончит с Катериной...

Сегодня он улыбнулся в ответ.

Он прибережет ее напоследок.

XI

Когда Кейт жила в третьей по счету школе-пансионе, она прочитала книгу о серийных убийцах. В первой главе утверждалось, что в основном единичные убийства люди совершали в состоянии аффекта, но вновь и вновь убивали те, кто начинал ловить своеобразный кайф. Кейт стало интересно, нет ли в этом чего-то еще – не пытались ли маньяки таким образом сбежать от обыденности, от некой пустоты в жизни.

Тогда она задавалась вопросом: где эти люди работали, если у них возникла потребность в столь жестоком «хобби»?

Теперь она знала ответ на свой вопрос.

– Добро пожаловать в «Кофейное зерно», – сказала Кейт со всей показной веселостью, какую ей удалось из себя выдавить. – Чем могу помочь?

Женщина по ту сторону прилавка поджала губы.

– У вас есть кофе?

Кейт окинула взглядом стеллаж с кофемолками и кофемашинами, завсегдатаев за столиками и вывеску над дверью:

– Да.

– И?.. – нетерпеливо продолжила женщина. – Какие сорта у вас имеются?

– На стене висит стенд, где...

– А разве ваша работа не в том, чтобы объяснять все клиенту?

Кейт глубоко вздохнула и опустила взгляд на свои ногти с едва заметными черными точками – следами крови монстра, уничтоженного ею вчера. Она напонила себе, что это обычная работа.

Пятая за полгода.

– Давайте вы попробуете нашу самую продаваемую смесь, – вежливо предложила Кейт.

Многие люди в глубине души не хотят принимать решения. Им нравится иллюзия контроля – но не то, что к нему прилагается.

По крайней мере, так говорил ее отец.

Женщина коротко кивнула и побрела к стойке, где сгрудились те, кто ожидал заказа. Они походили на верующих у алтаря, и Кейт стало любопытно, кто на самом деле более зависим от своего кайфа, кофеманы или серийные убийцы.

– Следующий!

Перед ней возник Тео, с синими волосами, которые торчали над головой, как пластиковые шипы.

– Ты должна кое-что увидеть, – сказал он, толкая планшет через прилавок.

А там, где появлялся Тео... Взгляд Кейт скользнул к угловой кабинке, где виднелись каштановые кудряшки Су и фиолетовая шапочка Лиамы.

– Извините, сэр, – холодно бросила Кейт. – Желаете что-то заказать? А то я на работе... – добавила она будничным тоном, как будто это не было очевидно из ее фартука, места за прилавком и очереди покупателей.

Тео блеснул озорной ухмылкой:

– Три полусладких, обезжиренных карамельных макиато...

– Теперь ты отвратителен.

– С обезжиренными тройными взбитыми сливками. Запиши на мой счет.

– У тебя нет счета.

– Эх, – демонстративно вздохнул Тео, вытаскивая помятую купюру. – Тогда открой его для меня.

– Не буду, потому что не хочу, чтобы меня опять уволили. – Кейт взяла наличные и мельком взглянула на планшет, выхватив взглядом из заголовка словосочетание «место преступления», и ее пульс ускорился. Вот тот самый кайф, за которым гнались серийные убийцы и кофейные наркоманы. – Иди посиди за столиком.

Тео послушно убрался, и, когда очередь рассосалась, Кейт приготовила для него треклятый кофе и поднырнула под прилавок.

– Я на перерыв, – объявила она, сняла фартук и направилась к кабинке, где устроилась разношерстная команда Стражей.

Кейт со стуком поставила макиато и рухнула на свободный стул.

– Что вы здесь забыли?

– Где твои манеры? – поинтересовалась Су, которая устроила Кейт на работу в кофейню.

– Макиато! – обрадовался Тео.

Лиам был занят: он отсчитывал кофейные зерна в шоколаде и забрасывал их в рот по одному.

– Расслабься, – пробормотал он, – не похоже, чтобы кто-нибудь догадывался о твоём альтер эго.

– Пожалуйста, перестань.

– Плохой бариста днем, – начал Тео театральным шепотом, – и крутой охотник на монстров ночью.

Вот поэтому Кейт работала в одиночку. Ибо иметь тайну погано, а позволить другим узнать ее – еще поганее. А Стражи прямо зыбучие пески: чем сильнее она пыталась вырваться, тем глубже погружалась. Они приняли ее отчужденность и даже, кажется, посчитали Кейт очаровательной, отчего ей сделалось совсем неудобно.

Однажды она разнообразия ради прикинулась омерзительно милой, обращалась к ним по прозвищам и – вообразите себе! – закинула Лиаму руку на плечо, демонстрируя привязанность.

Они наблюдали за ней с ужасом, словно это была не Кейт, а ее двойник.

– У меня десять минут. Что у вас там? – спросила Кейт.

Тео протянул ей планшет:

– Смотри сама!

Под заголовком «Владелец был найден растерзанным позади закуской» красовалась фотография улыбающегося бизнесмена.

Кейт пробежалась по статье.

«Полиция пытается определить причину... обсуждается вероятность... случайное или преднамеренное убийство... отсутствие свидетелей... нападение животных...»

– Нападение животных – да кто на такое купится? – фыркнула Су. – Мы ж в центре И-Сити.

Кейт глянула на Тео:

– Есть данные из морга?

– Райли говорит, что вскрытия еще не было, но у трупа в груди – громадная дыра и куда-то подевалось сердце. Про это, конечно, публично не сообщается.

– Не хотят никого пугать, – сухо произнесла Кейт, проматывая страницы в поисках дополнительных деталей.

Она пролистнула заметку о взрыве на Брод и резко остановилась, пальцы замерли над планшетом. На нее смотрело знакомое лицо: выющиеся светлые волосы и темные синие глаза.

«Злодей Истины».

У Кейт перехватило дыхание. Внезапно наткнуться на непоколебимый отцовский взгляд было сродни удару в солнечное сплетение. В голове вновь зазвучал его голос.

«Катерина Оливия Харкер».

– Кейт? – дернула ее Су.

Она заставила себя вернуться в реальность, где были кофейня, стол, выжидающие лица Стражей, и мазнула пальцами по экрану, убирая статью.

– Мы поговорили, – вступил Тео, – и мы с Су хотим помочь.

– Вы уже помогаете.

– Ты знаешь, о чем мы, – вмешалась Су. – Мы могли бы пойти с тобой. В качестве подкрепления.

– Ага! – подтвердил Лиам.

– Но не ты! – хором отозвались Су и Тео.

– Никто из вас, – сказала Кейт.

– Слушай, – начала Су, подавшись к ней, – когда все началось, это было лишь теорией, верно? Но сейчас благодаря тебе мы в курсе событий. И мы понимаем, что кошмар не прекратится, поэтому мы...

Кейт понизила голос:

– Вы ничего не знаете об охоте на монстров.

– Ты могла бы нас научить, – заметил Тео.

Как будто последнее, что нужно Кейт, – это люди, о которых надо беспокоиться, и свежая кровь на руках!

– Пришлите мне координаты места преступления, – сказала она, вставая со стула. – Я проверю его сегодня ночью.

ХП

Члены совета ФТФ стояли в командном центре и спорили, перебивая друг друга.

– Каждый новый человек, которого мы принимаем, – это еще один рот, который нужно кормить, еще одно тело, которое нужно одевать, еще одна жизнь, которую нужно защищать! – Маркон хлопнул ладонью по столу. – Моя преданность принадлежит тем, кто уже с нами. Кто решил сражаться.

– Мы не заставляем никого из солдат идти за Линию, – проворчал Беннет, молодой член совета. – Но факт остается фактом: того, что мы делаем сейчас, недостаточно.

– Этого слишком много! – возразила офицер, Шиа. – Мы истощаем ресурсы...

– Тут не война, а осада...

– А если бы вы согласились атаковать, вместо того чтобы обороняться, возможно, тогда бы...

Август молча стоял у стены, прислонившись затылком к карте города. С тем же успехом он мог быть фотографией. Он присутствовал здесь не для того, чтобы говорить или даже слушать. Насколько он мог судить, он находился рядом с ними только для того, чтобы его видели. Он служил предостережением и напоминанием.

«Такова сила – она кроется в восприятии», – вымолвил Лео.

«Не Лео, – поправил себя Август. – Не настоящий Лео. Только голос».

Не-Лео недовольно поцокал языком.

Сидящий во главе стола Генри Флинн помалкивал. Он выглядел... усталым. Под запавшими глазами прочно обосновались синяки. Генри всегда был худощавым, но сейчас неуклонно двигался к истощению.

– Мы попытались прошлой ночью взять холодильник, – начал Маркон. Холодильниками они называли здания, в которых малхаи и Клыки держали пленников. – И мы потеряли пятерых солдат. Пятерых. Ради чего? Ради северян, которым было плевать на нас до тех пор, пока их самих не припекло. И люди вроде Беннета или Пэрис – они думают, что...

– Я, может, и слепая, но не глухая! – язвительно бросила старая женщина, сидящая напротив – в кресле советника.

Когда Август впервые встретился с ней, она роняла сигаретный пепел в яичницу, но сейчас она выглядела величаво и естественно.

– Каждому известно, что я поддерживаю людей по ту сторону Линии. Легко говорить, что бы сделали вы, будь вы на их месте, но нельзя винить их в том, что они хотят жить.

Свара вспыхнула снова, набирая обороты. Август закрыл глаза. Ему не нравился шум. Ситуация было неприятной, как и все человечество.

Большую часть своей короткой жизни Август делил людей на хороших и плохих, чистых и запятнанных – категоричное разделение, черно-белый мир, – но последние шесть месяцев продемонстрировали ему множество оттенков серого.

Впервые Август заметил это в Кейт Харкер, но он всегда думал, что она исключение, а не правило. Теперь же повсюду он видел разделение, порожденное страхом и потерями, надеждой и сожалением.

Гордецы умоляли о помощи, а те, кто уже чем-то пожертвовал, наотрез от нее отказывались.

ФТФ разделились – не только здесь, в совете, но и непосредственно в войсках.

– Мы должны защищать себя.

– Мы никого не должны защищать.

– Мы покупаем время за жизни.

– Мы хоть чего-то добились?

– Август, ты что думаешь?

Август моргнул, приходя в себя. Что он думает? Он бы предпочел читать, драться, делать что угодно, чем стоять у стены и слушать, как мужчины и женщины говорят о человеческих жизнях, будто это всего-навсего числа.

Ему надоело наблюдать за тем, как они низводят плоть и кровь до пометок на бумаге, знаков на карте.

Но Август подавил свой порыв и попытался встать на позицию других.

– Все монстры, – медленно проговорил он, – хотят одного и того же – еды. Они объединены общей целью, в то время как вы разделены своей моралью и гордостью. Что я думаю?.. То, что если вы не объединитесь, вам не победить.

В комнате воцарилась тишина.

«Вот речи истинного лидера», – сказал Лео.

На лице Генри промелькнула усталая улыбка.

– Спасибо, Август, – сердечно произнес он.

Вот оно – то самое тепло, которое Август много лет учился имитировать!

Август едва не принял дружелюбное выражение, но тотчас себя одернул, сохраняя бесстрастный вид.

Вскоре Генри отдал приказы о выступлении, и комната опустела. Освободившись, Август выскользнул за дверь.

С другой стороны холла располагался центр наблюдения. Ильза стояла перед мониторами. Ее светлые рыжеватые волосы сияли, подсвеченные экранами, свет и тени мелькали по лицу, звездочки на коже вспыхивали и меркли.

Август прошел мимо нее, обогнул центр связи, где за пультом сидел Филлипс. Могло показаться, будто левая рука Филлипса лежит на столе совершенно спокойно, но Август сам видел масштаб бедствия: он удерживал бьющееся тело Филлипса на медицинском столе, пока Генри пытался сшить кожу и мышцы, жестоко искромсанные когтями корсаи.

Филлипс научился стрелять другой рукой и был одним из немногих желающих драться за Линией, но Харрис заявил, что не примет давнего партнера обратно в подразделение, пока

тот не сумеет одолеть друга в бою. Сегодня Филлипс щеголял синяком на скуле. Он был близок к цели.

Август уже добрел до лифтов, когда услышал, что его нагоняет Генри.

– Август, – сказал он, подстраиваясь под шаг сунаи, – пойдем-ка со мной.

Двери лифта разъехались, и они вошли внутрь. Когда Генри нажал на кнопку второго этажа, Август напрягся.

Прежде Компаунд был обычным высотным многоквартирным домом. На втором этаже располагались тренажерные и актовые залы. Теперь там обучали новых рекрутов.

Двери лифта снова разъехались. Август и Генри вышли в холл.

Мимо пробежали новоявленные члены ФТФ колонной по двое, и Август заставил себя выпрямиться под их взглядами.

Справа на полу сидела, сбившись в кучку, группа детей, а капитан ФТФ что-то им объяснял спокойным, уверенным тоном. В центре группы обнаружилась та девочка из Симфонического зала, отмытая дочиста, с печальным и потерянным взглядом круглых глаз.

– Сюда, – произнес Генри, распахивая дверь.

Обширное пространство оказалось поделено на тренировочные зоны, под завязку забитые рекрутами. Одни обучались самообороне, другие сидели на корточках и возились с оружием. Жена Генри, Эмилия, обучала новобранцев постарше рукопашному бою. Эм не уступала мужу ростом, правда, он был худощавым блондином, а она – темнокожей и атлетически сложенной. Когда она отдавала команды, ее ясный, решительный голос разносился по всему залу.

Август прошел следом за Генри на тренировочную дорожку, окаймляющую зал по периметру. Августу почему-то сразу показалось, будто он выставлен напоказ.

Люди оборачивались в их сторону, и Августу хотелось верить, что они смотрят на Генри Флинна, легендарного главу ФТФ, но даже если поначалу их внимание действительно привлекал Генри, потом их взгляды задерживались на Августе.

– Зачем мы это делаем? – спросил Август.

Генри улыбнулся одной из тех улыбок, которым Август не мог дать определения – и не печальная, и не веселая. Из тех, которые не означали чего-то конкретного, но намекали на все понемногу. Сколько бы Август ни упражнялся, он никогда не сумеет выразить столько лишь простым изгибом губ.

– Надеюсь, ты спрашиваешь про ходьбу по дорожке, а не про борьбу за Северный город. – Генри сунул руки в карманы и уставился себе под ноги. – Я привык бегать, – сказал он скорее себе, чем ему. Август с ним мысленно согласился. – Я уходил на рассвете, сжигал лишнюю энергию. Я всегда лучше себя чувствовал во время бега...

Грудь его содрогнулась, и он замолчал и кашлянул, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

Глухой кашель отдался в черепе Августа выстрелом. Четыре года он жил с постоянным звуковым фоном в голове – отдаленной стрельбой, эхом его возникновения, стакато, которое заполняло любую тишину. Но этот короткий звук был хуже. Август замедлил шаг и задержал дыхание. Он хотел знать, повторится ли кашель. Он ждал и считал, как считают секунды от молнии до грома.

Генри тоже притормозил и кашлянул во второй раз. Тише, но глубже, как будто что-то у Генри внутри ослабело, и, когда они добрались до скамейки, Генри тяжело опустился на нее и сжал ладони между коленями. Они сидели молча, делая вид, что ничего не случилось, хотя это было не так.

– Дурацкий кашель, – пробормотал Генри беззаботным тоном: дескать, просто чепуха, досадная помеха, след затянувшейся простуды.

Но они оба знали, что правду не скроешь, пусть даже Генри не мог заставить себя сказать ее вслух, а Август не мог заставить себя спросить.

Реакция избегания – вот как это называется.

Идея, гласящая, что если что-то не названо, то его и не существует, поскольку слова обладают властью, придают высказываниям почти физический вес и четкую форму.

Если избегать их, то можно помешать сущности сделаться реальной, можно...

Август наблюдал за Генри, а тот смотрел на рекрутов.

– ФТФ, – произнес Генри, отдышавшись и помотав головой. – Я всегда ненавидел эту аббревиатуру.

– Почему?

– Имена обладают силой, – сказал Генри. – Но движение нельзя основывать на человеке или его ближайшем окружении. Что будет, если человека не станет? Уцелеет ли движение? Наследие не должно превращаться в препятствие.

– Генри, зачем ты привел меня сюда?

Мужчина вздохнул, помахал рукой новым рекрутам.

– Наглядная картина – вот что важно, Август. Без нее разум начинает выдумывать, и то, что он выдумает, окажется хуже правды. Важно, чтобы они видели нас. И тебя. Нужно, чтобы они знали, что ты на их стороне.

Август нахмурился.

– Первое, что они видят, – как я убиваю.

Генри кивнул.

– Поэтому и я говорю о наглядности, Август. Надо, чтобы они смотрели на тебя повнимательнее. Ты не человек, Август, и никогда им не станешь. Но ты и не монстр. Как ты думаешь, почему я выбрал именно тебя, чтобы ты возглавил ФТФ?

– Потому что я убил Лео? – мрачно предположил Август.

По лицу Генри промелькнула тень.

– Потому, что тебя это преследует, – он постучал Августа по груди, прямо напротив сердца. – Потому что тебе не наплевать.

Августу нечего было ответить. Он испытал облегчение, когда Генри наконец отпустил его. Прочь отсюда – от тренировочной дорожки, от пристальных взглядов, от испуганных лиц.

Август выскользнул обратно в холл и зашагал к лифтам.

– Привет, Фредди!

Август обернулся и увидел Колина Стивенсона в форме ФТФ. На долю секунды на него обрушилось очередное воспоминание: плохо сидящая школьная форма, столовая, рука у него на плече. Краткая иллюзия нормальной жизни.

– Фредди – не настоящее мое имя, – сказал он.

Колин вытаращил глаза.

– Неужто? – он схватился за сердце. – Как ты мог обмануть меня?

Августу понадобилось мгновение, чтобы осознать: это сарказм.

– Как тренировки?

Колин ухмыльнулся.

– Творят чудеса с моей фигурой.

Август, не сдержавшись, улыбнулся. Последние шесть месяцев сильно изменили Колина, хотя он не подрос ни на дюйм.

Семью Колина обнаружили во время спасательной миссии в желтой зоне еще в первые недели. Парочка малхаи приперла их стене и спорила, то ли загнать их развлечения ради, то ли взять измором. Август тогда был в команде эвакуаторов, что оказалось изрядным потрясением для Колина, знавшего его лишь как Фредерика Галлахера, тихого второкурсника, переведенного из другой школы, но, как выразился сам Колин: «Я думаю, спасение из лап малхаи – все равно что уборка».

Странно, но когда Колин понял, кто такой Август, его отношение не изменилось ни на йоту. Он не вздрагивал и не съеживался, когда Август входил в комнату, не смотрел на него, как будто тот был кем-то... чем-то – но кем и чем? – другим.

Но ведь Колин и не видел, как он дерется с малхаи или вырывает душу грешника, или вытворяет нечто монструозное.

Впрочем, зная Колина, можно предположить, что он сказал бы, что это смотрится «паршиво» или «круто». Люди – существа загадочные и непредсказуемые.

– Мистер Стивенсон! – окликнул его командир отделения. – Вернитесь к занятиям!

Колин преувеличенно страдальчески застонал.

– Они заставляют нас приседать, Фредди! Я ненавижу приседания. И в Колтоне ненавижу, и здесь, – он двинулся обратно. – Слушай, мы решили собраться в холле, поиграть в карты. Хочешь с нами?

«Хочешь с нами?»

У Августа внутри что-то перевернулось. Колин почти заставил его позабыть о том...

Зажужжал комм, и Август опять вспомнил, кто он такой.

Что он такое.

Альфа.

– Не получится, – сказал он. – Я в Ночном дозоре.

– Круто!

– Мистер Стивенсон! – крикнул капитан. – Я вам добавлю приседаний за каждую секунду задержки!

Колин перешел на рысцу.

– Когда они мне дадут отмашку, я запишусь на службу. Может, мы с тобой будем в одной команде.

У Августа екнуло сердце. Он попытался представить Колина, дружелюбного, веселого коротышку Колина охотящимся на монстров, однако ему привиделось, как Колин лежит на мостовой: глаза распахнуты, горло распорото.

Август никогда не принадлежал к миру Колина, а Колин – к его миру. Август намеревался сделать все, что потребуется, чтобы и впредь не впутывать друга в неприятности.

ХIII

«Корсаи».

Ручка Кейт царапала бумагу.

«Малхаи».

Буква за буквой, клеточка за клеточкой.

«Сунаи».

Она игнорировала подсказки в кроссворде: четыре по вертикали, «острый перец», шесть по горизонтали, «крупнейший мегаполис» – но нужно было чем-то занять время. Она то и дело отрывалась от кроссворда и посматривала в окно книжного магазина на место преступления – переулок, перегороженный желтой лентой.

Вначале там стоял коп, а потом вокруг шныряли несколько фотографов, выискивали подходящее место для снимка, но теперь, когда сумерки сменились темнотой, место преступления опустело. Тело увезли, закусочную закрыли, смотреть было не на что.

Кейт отложила кроссворд и вышла в ночь, вставляя в ухо беспроводной наушник. Она включила телефон, и тишина сменилась голосами, перебивающими друг друга.

– И я говорю...

– ...не кажется странным?

– Ретроградный Меркурий или что-то похожее...

Кейт прочистила горло:

– Привет, ребята. Я на месте.

Ее встретила мешанина из «Привет!», «Как ты?» и «О, как же клево она это произносит!»

– Есть что-нибудь новое? – спросила она, двигаясь вдоль квартала.

– Никаких новых зацепок, – сказал Тео под аккомпанемент стука по клавиатуре.

Кейт перешла дорогу и направилась к отгороженному лентами участку на асфальте.

– Тогда начинаем с чистого листа, – она поднырнула под желтое ограждение и начала обходить полицейские отметки, пытаясь воссоздать в уме картину преступления. Откуда пришел монстр и куда он направился?

– Ты думаешь, он вернется? – спросил Лиам.

Кейт присела, пальцы застыли в воздухе над кровавыми пятнами.

– Они не очень умны. Тварь нашла себе еду, почему бы ей не прискакать сюда в поисках следующей жертвы?

Достав из заднего кармана ультрафиолетовый фонарик, Кейт включила его. Пятна крови на асфальте сразу окрасились в ярко-синий, и таким же сделался появившийся след. Он вел вперед, как дорожка из хлебных крошек, – скопления засохших капель, упавших с когтистых лап монстра. Кейт выпрямилась и побрела по следу.

– Давай, показывайся, где же ты? – прошептала она. – Тебя ждет сочное аппетитное человеческое сердце.

– Не смешно, Кейт, – сказал Райли.

Но голубые капли уже исчезли и след поблек. Кейт вздохнула и выключила фонарик. В прошлый раз ей потребовалось две недели, чтобы найти парочку монстров, – за это время погибли три человека.

А сейчас уже стемнело, да и надо с чего-то начинать.

– Пора забросить сети пошире, – заявила она.

– В процессе, – отозвалась Су, и наушник заполнил сумасшедший стук пальцев по клавиатуре.

Стражи занялись тем, что умели лучше всего, – взломом городских камер наружного наблюдения.

– Начнем с радиуса в четверть мили.

– Сначала я гляну через Третью на Клемент.

– Четвертую через Девятую до Брэдли.

– Привет, крошка, – невнятно сказал кто-то у нее за спиной.

Кейт закатила глаза и, обернувшись, обнаружила мужчину, поглядывающего на нее с ухмылкой. Его взгляд стекленея скользил по ее фигуре. Мало ей монстров...

– Простите?

– Надери ему зад, – предложила Су.

– Кейт! – предостерегающе произнес Райли.

– Не стоит бродить одной, – мужчина слегка покачнулся. – Опасно.

Кейт выгнула бровь, рука ее потянулась к висящему на поясе электрошокеру.

– И что?

Он сделал еще шаг к ней.

– Здесь не стоит гулять в одиночку, малышка.

– Вы собираетесь меня защищать?

Мужчина хохотнул и облизнул губы.

– Нет.

Он попытался схватить ее за руку, но Кейт отступила назад. Нападавший покачнулся и потерял равновесие. Она схватила его за горло и впечатала в стену. Мужчина со стоном съехал на бордюр, но времени порадоваться у Кейт не было.

Потому что кто-то внезапно истошно заорал.

От вопля у нее скрутило солнечное сплетение. Кейт моментально развернулась и бросилась в ту сторону, откуда раздался отчаянный голос, и тут услышала крики.

Она вихрем пронеслась до конца квартала и повернула за угол, рассчитывая увидеть Пожирателя Сердец посреди толпы людей. Однако улица оказалась пуста: крики доносились из ресторана. Кейт затормозила у витрины, залитой потеками крови. Дверь была распахнута, кто-то на четвереньках полз к выходу, а остальные посетители валялись на столах. В дальней части помещения маячил мужчина и держал в руках ножи, смахивающие на кухонные. Лезвия были в крови, а глаза мужчины странно сияли, и он улыбался. Но не безумной ухмылкой – напротив, спокойной, безмятежной улыбкой, и оттого вся сцена стала еще более жуткой.

Кейт прикоснулась к наушнику.

– Вызывайте полицию!

– Что случилось? Что?.. – зачастил Тео.

– Саус-Марк-один-шестнадцать, – сказала Кейт. Голос ее дрожал.

Какое-то окровавленное тело сползло по стеклу, оставляя на нем красный след.

Мужчина с ножами кинулся на кухню.

– Кейт, ты...

– Немедленно!

Она заставила себя двинуться вперед, навстречу резне и хаосу, и с каждым шагом в воздухе отчетливее ощущался запах крови и паники.

В эпицентре находился монстр – он был неподвижен, и Кейт едва не проглядела его.

Это был не Пожиратель Сердец, но нечто совершенно иное – пока еще только тень, очертаниями напоминающая человека.

Монстр наблюдал за разворачивающейся перед ним сценой с тем же умиротворением, что читалось и на лице убийцы. И чем дольше он смотрел, тем реальнее становился, и на пустом холсте его лица проступали черты.

– Эй! – закричала Кейт.

Услышав ее, монстр дернулся и начал оборачиваться, показав уголок серебряного глаза, но тут в начале улицы взвыли сирены. Мгновение спустя красно-синие всполохи полицейских машин вывернули из-за угла и понеслись к ресторану, где крики сменились ужасной, давящей тишиной.

И монстр исчез.

Кейт развернулась, осматривая улицу. Она отвела взгляд всего на секунду, на мгновение, он просто не мог уйти далеко, но куда же, куда же?

Есть!

Тень возникла в самом конце переулка.

– Что происходит? – требовательно спросил Лиам, когда Кейт помчалась в погоню.

Тень исчезла, чтобы вновь возникнуть еще дальше по переулку. Кейт кинулась за ней, прочь от ресторана и улицы, в просвет между домами.

Сирены продолжали выть.

У Кейт перед глазами все еще стояла окровавленная витрина ресторана, ножи в руках мужчины и главное – выражение спокойной решимости на его лице, и монстр – его зеркало, его эхо.

Мысли неслись, обгоняя друг друга. Что он делает? Чем питается?

Почему он просто стоял и смотрел?..

– Кейт, ты здесь?

Она на бегу достала железный штырь. Переулок вокруг нее был пуст – и вдруг оказалось, что Кейт уже не одна.

Она затормозила, проехавшись по влажному бетону, запыхавшаяся и потрясенная внезапным появлением тени на ее пути. В этот раз ни монстр, ни Кейт не пытались сбежать. Не потому, что она не хотела – сейчас она как раз хотела, – а потому, что не могла отвести взгляд.

Она думала о монстре как о тени, но он был чем-то большим – и чем-то меньшим. Он был неправильным – и на вид, и по ощущению. Он был словно дыра, вырезанная в ткани мира, словно глубокий космос. Пустой и холодный. Бездонный и голодный.

Он вытянул из пространства все тепло, весь свет и все звуки, погружая их обоих в тишину, и внезапно она ощутила себя тяжелой и медленной. Все части тела наливались свинцом по мере того, как тьма, монстр и ничто сокращали дистанцию между ними.

– Кейт! – взмолился голос в ухе, и она попыталась ответить, попыталась освободиться, заставить свое тело ожить, бежать, сражаться, но взгляд монстра тянул ее вниз, словно гравитация, а затем к ее коже прикоснулись ледяные руки.

– Кейт! – послышался в ухе голос Райли.

Она ощутила, как где-то вдалеке штырь выпал у нее из рук, и услышала отдаленный звук удара металла об асфальт, а монстр приподнял ее голову за подборок.

Вблизи было видно, что у него нет рта.

Лишь серебристые глаза-диски блестели на пустом лице.

«Словно зеркала», – подумала Кейт, поймав в них свое отражение.

А затем она начала падать.

XIV

Сперва
он решил
что она
лишь игрушка
чтоб завести
и запустить
лишь спичка
чтоб чиркнуть
но она
уже горела
горем и гневом
виной и страхом
«Кто заслуживает возмездия?»
спросил он у ее сердца
и ее сердце ответило
«каждый,
каждый»,
и он понял,
что она —
такая же, как он, —
существо
с неограниченным
потенциалом
она будет гореть
как солнце
среди звезд
сна сделает его цельным

она делает его реальным
она делает...
– Кейт!
– Кейт!..
и тогда она
как-то отскочила
он отпустил ее
и не отпустил
она вырвалась,
и она не...

– Кейт!!!

Голос Райли закричал у нее в ухе, и Кейт освободилась, вырвалась – и это на самом деле было похоже на то, как рвется ткань под когтями, рвется кожа о колючую проволоку, оставляя клочья позади, и что-то надорвалось у нее внутри.

Кейт стояла на коленях – когда она упала? – пальцы скребли по мостовой, голова раскалывалась от боли, все плыло перед глазами, как будто она пропустила удар. Но она не помнила, не могла вспомнить...

Голоса кричали у нее в черепе, она вырвала наушник из уха и швырнула в темноту, а улочка то становилась четче, то расплывалась, изображение двоилось, создавая тошнотворный второй слой.

Кейт крепко зажмурилась, сосчитала до пяти.

А потом моргнула и увидела красные и синие линии, пляшущие на стене домов. Вспомнила ресторан, крики, того мужчину – потом того монстра, бездну в его зеркальных глазах и голос, который не был голосом у нее в голове.

«Кто заслуживает возмездия?»

Она отстраненно вспомнила вспышку гнева, жажду причинить боль чему-нибудь, кому-нибудь. Но это было подобно сну и быстро потускнело. Монстр исчез, и Кейт, пошатываясь, встала. Мир бешено качало. Девушка ухватила за стену. Осторожно, по шажочку, она повернулась к мигающим огонькам и остановилась у начала улицы в тот самый момент, когда «Скорая помощь» отъехала от места происшествия.

Собралась толпа, полная болезненного любопытства, но нападение завершилось. Что бы это ни было, оно перешло из активной фазы в пассивную. У обочины выстроился ряд мешков с телами, туда-сюда расхаживали полицейские, сирены замолчали, и место преступления уже остывало, словно труп.

В душу Кейт заполз холодный страх. Она не понимала, что произошло, что она видела. Но чем дольше она смотрела на происходящее, тем меньше помнила, а чем больше думала, тем сильнее становилась боль у нее в голове. Что-то скользнуло по ее подбородку. Кейт почувствовала медный привкус и поняла, что у нее идет кровь носом.

Она оттолкнулась от стены и чуть не упала снова, но заставила себя двигаться вперед и не останавливаться, пока не доберется домой.

Когда она, спотыкаясь, пробралась наконец в квартиру, то чуть не проглядела сидящего там человека.

Райли вскочил, словно хотел подхватить ее.

– Господи, Кейт! Что случилось?

Во всяком случае, она подумала, что он так сказал. Сами слова заглушал звон в ушах, как бывает под водой, а боль продолжала пронзать ее голову при каждом ударе сердца, и перед глазами мигало, словно от стробоскопа.

– Кейт!

Мир расплылся, сделался четким, снова расплылся, и к горлу Кейт подкатила горечь. Девушка кинулась в ванную и скорее почувствовала, чем услышала, что Райли бежит следом. Но она не оглядывалась.

Почему он здесь?

Почему он постоянно путается под ногами?

Ярость вспыхнула в ней, внезапная и иррациональная. Ярость при виде лица Райли, беспокойства в его глазах, того факта, что он изо всех сил пытался стать тем, кого она не хотела в нем видеть и в ком не нуждалась.

– Да скажи же!

Райли схватил ее за руку, Кейт развернулась и с силой толкнула его на стоящий в коридоре хлипкий столик.

Райли вскрикнул: они со столиком рухнули на пол. И на мгновение, глядя, как он валяется на полу – такой беззащитный, такой жалкий, – Кейт захотела причинить ему боль. Желание было таким отчетливым и незамутненным, что Кейт поняла – оно ненастоящее.

Что с ней происходит?

Она развернулась и поковыляла в ванную, заперла дверь и блевала, пока желудок не опустел до конца. Горло саднило. Кейт прижалась лбом к холодному кафелю и ждала, пока стук в дверь не заглушит стук у нее в голове.

Творилось что-то неправильное. Надо было встать, открыть дверь, впустить Райли. Но вместо этого Кейт закрыла глаза, и темнота показалась ей такой приятной.

Где-то вдалеке ее тело упало на пол, но она продолжала лететь вниз, вниз, вниз в темноту.

XV

Оно двигалось
в холодном
ничто
тень
самого себя
провалившаяся
между тем
что есть
и что могло бы быть
разум девушки
осколок
тепла
внутри
его собственного...
в ее разуме
он увидел город
рассеченный надвое
сотни
безликих лиц
заметные
лишь благодаря
красноте
их глаз
блеску
их клыков

место
крови
и смерти
зла
и насилия
и
великолепных
возможностей
он увидел
и он понял
он осознал –
вот
способ
вместе
с девушкой
и с городом
город
и девушка
и тепло
их хватит
чтобы гореть
хватит
чтобы
стать
реальным.

XVI

Когда раздался вызов, он был не по ту сторону Линии.

С точки зрения Генри, не существовало правильной и неправильной сторон. Севера и Юга больше не существовало. Но против фактов ничего не сделаешь: на одной из сторон бал правили монстры. Одна сторона была минным полем, средоточием теней и клыков.

Неприятности можно было найти и к югу от Линии.

Но здесь, на северной стороне, они сами гарантированно находили тебя, особенно в ночное время.

Отделение Августа пересекло Линию, чтобы помочь другой команде, охранявшей склад. Все шло без сучка и задоринки, и они уже почти закончили погрузку припасов на грузовики, когда комм, закрепленный у Августа на воротнике, ожил.

– Ночное отделение один, у нас проблемы. В ходе операции потеряна связь с шестым отделением.

У Августа засосало под ложечкой. Если вся группа перестала выходить на связь – это скверный признак.

– Сколько солдат?

– Четверо.

– Координаты?

– Фалстед-Билдинг между Матисом и Девятой.

Он встретился взглядом с Рез, стоявшей по другую сторону от капота грузовика.

– Икс-код?

Х-код относился к картам ФТФ в пункте управления Компаунда, покрытых множеством разноцветных точек. Черные обозначали те места, где хозяйничали монстры, синие – находящиеся под контролем ФТФ, а серые – зачищенные или покинутые.

– Серый, – ответил дежурный, – но за последний месяц статус не проверялся. Патрульные на Линии увидели свет на третьем этаже, и шестое отделение пошло проверить, что там.

Август отключился.

Он предпочел бы никого не брать с собой, но в ФТФ было жесткое правило – никаких одиночных миссий, поэтому Рез шла с ним. Слов не требовалось. Все делалось согласно чинам и уставу: Харрис, Джексон и Ани остались с другим отделением, чтобы помочь с доставкой припасов в Компаунд. Рез была его напарником с момента формирования подразделения.

Двигались они быстро, Август со скрипкой и смычком наготове, а Рез – с ружьем. Фалстед-Билдинг находился в двух кварталах севернее и трех восточнее, и они держались ближе к еще работающим уличным фонарям, жертвуя скрытностью ради толики защиты от опасностей ночи.

После последнего поворота Август замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Фалстед-Билдинга не было. И соседних строений тоже. Город просто исчез, и на его месте чернела стена темноты.

Рез ругнулась и крепче сжала оружие.

Они стояли на краю зоны, где отрубилось электричество. Кто-то или что-то уничтожило часть системы энергоснабжения, погрузив несколько кварталов в абсолютную темноту. Такие лишённые света зоны в ФТФ называли кладбищами.

– Подожди здесь, – сказал Август.

Это был бессмысленный приказ, поскольку Рез никогда бы его не выполнила, но сунаи должен был приказать.

Она фыркнула и повесила ружье на плечо:

– И оставить все веселье тебе?

Они оба достали аварийки. В отличие от ВУФов, испускавших луч, аварийки светили во все стороны. Они давали рассеянный свет – слабее направленного, но все же безопаснее темноты. Специалисты пока не смогли сделать их ярче.

Вместе они пересекли границу тьмы. Она расступилась, словно туман, отброшенная светом на несколько футов во все стороны, но дальше в ней моргали белые влажные глаза корсаи, а их голоса шипели, как вырывающийся из котла пар.

бейломайкрушиикостьплоть

Август слышал, как гулко бьется сердце Рез, но шаги ее были твердыми, а дыхание – ровным. Когда они в первый раз оказались в паре, он спросил, страшно ли ей.

– Уже нет, – ответила Рез и показала шрам, перечеркнувший грудь.

– Монстры? – спросил Август, но она покачала головой и сказала, что собственное сердце пыталось ее прикончить, еще задолго до монстров, поэтому она решила не бояться.

– Бессмысленно бояться любого конкретного способа умереть, – сказала она.

Аварийки осветили осколки стекла на ступеньках Фалстеда. Двери криво свисали с петель, и само здание производило жутковатое впечатление совсем недавно заброшенного. Кто-то уже оставил аварийку в центре вестибюля. Пятно света не добиралось до углов помещения, но образовывало дорожку сквозь него. Еще одна аварийка лежала на ступеньках.

Дорожка из крошек, – отстраненно подумал Август. Привет от еще одной истории Ильзы.

Когда они начали подниматься по ступенькам, дурное предчувствие холодом начало разрастаться в груди Августа.

«Опять чувства, братец?»

Август на ходу отмахнулся от голоса Лео.

А тем временем Фалстед начал меняться.

Внизу, в вестибюле, еще сохранилась атмосфера роскоши, но на втором этаже уже появились признаки разложения. На третьем же обои отходили от стен, а половицы крошились под ногами. Стены были покрыты пулевыми отверстиями и крошащимся гипсокартоном, а кое-где вообще были проломлены, словно по ним лупили кувалдой. Через открытые двери Август видел перевернутую мебель, разбитые стекла, темные пятна повсюду, застоявшийся дым и старую кровь – человеческую.

– Что за чертово место? – пробормотала Рез.

Но ответа у Августа не было.

Первый труп они нашли на ступеньках. Аварийка лежала у него на коленях, создавая жутковатое освещение вокруг тела и отражаясь в разлитой по ступенькам крови. Бронежилет солдата исчез, голова свисала под немыслимым углом, а нашивка ФТФ был сорвана с рукава.

– Черт, – пробормотала Рез, и ее голос был наполнен гневом, а не паникой, – черт, черт!..

Сквозь речитатив ее ругани до Августа донесились отдаленный стук капель и поскрипывание досок где-то выше. Он поднес палец к губам, и она замолчала, присев около тела. Ничего не происходило, спустя несколько долгих секунд они вновь начали двигаться.

Впереди, в центре коридора, клубилась и извивалась темная масса.

Август заметил блеск серебристых когтей и острых, как бритва, клыков, но Рез опередила его и швырнула туда световую гранату. Август зажмурился, граната разорвалась, создавая бесшумную волну ультрафиолетового света. Корсаи с шипением рассеялись, ринулись туда, где темнее. Большая часть монстров успела, но одного настиг дым, и теперь его зубы и когти осыпались на пол ледяной крошкой.

На полу коридора осталось два изломанных трупа.

Но по внешнему виду было понятно, что их убили не корсаи. Тела в основном остались целы, а нашивки сорваны в качестве трофеев. Что там сказали по комму?

«Патрульные на Линии увидели свет... пошли проверить».

И где же четвертый солдат?

Свет плясал в дверном проеме на другом конце коридора – не ровный свет оставленной аварийки, а изменчивое трепетание свечи. Август убрал в карман свой фонарь и обхватил одной рукой гриф скрипки, в другой сжал стальной смычок. Он оставил Рез подле тел, а сам пошел в сторону комнаты, ведомый светом, мягким звуком чего-то тяжелого, давящего на доски пола и стуком капель по дереву.

В середине комнаты, больше похожей на клетку – в полу и стенах не хватало досок, – горела одинокая свеча, а под разбитым окном у противоположной дальней стены, связанный и с кляпом во рту, сидел последний солдат шестого отделения. Его голова безвольно упала на грудь. Бронежилета не было, рубашка вымокла от крови.

«Мертвый груз», – предупредил Лео, настоящий или призрачный, но он сказал правду. Сунаи слышал, как борется человеческое сердце, проигрывая схватку, но и это не удержало Августа от того, чтобы позвать Рез и двинуться вперед.

Он притормозил лишь тогда, когда подошел достаточно близко, чтобы увидеть на досках пола написанное кровью солдата слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.